

The background of the cover is a detailed illustration of a man and a woman on a white horse in a forest. The man is in medieval armor, including a chainmail coif and a blue helmet with a gold cross. He holds a sword and a shield with a cross design. The woman is dressed in a blue and gold tunic with a feathered headdress. An owl flies in the upper right. At the top, a decorative banner contains the text 'НАШИ • ТАМ'. At the bottom, the authors' names and the title are written in large, stylized fonts.

НАШИ • ТАМ

АЛЕКСАНДР АВРАМЕНКО
ВИКТОРИЯ ГЕТТО

КРАСНО СОЛНЫШКО

Наши там (Центрполиграф)

Александр Авраменко

Красно Солнышко

«Центрполиграф»

2016

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Авраменко А. М.

Красно Солнышко / А. М. Авраменко — «Центрполиграф»,
2016 — (Наши там (Центрполиграф))

ISBN 978-5-227-07129-3

Настоящая книга написана в редком сейчас жанре чистой альтернативной истории. В ней нет попаданцев, поучающих наших отцов и дедов жизни, нет супергероев с ленинской библиотекой в голове. Обычная жизнь обычных людей. V век христианской эры. Славяне открывают и осваивают Американский континент...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-227-07129-3

© Авраменко А. М., 2016
© Центрполиграф, 2016

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	15
Глава 3	21
Глава 4	28
Глава 5	34
Глава 6	40
Глава 7	46
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Александр Авраменко, Виктория Гетто Красно Солнышко

Серия «Наши там» выпускается с 2010 года

© Авраменко А., Гетто В., 2016

© Художественное оформление серии, «Центрполиграф», 2016

© «Центрполиграф», 2016

* * *

*В лето 6012 от сотворения мира бысть сие.
Книга Святовида*

Пролог

Мороз крепчал. Пронзительно верещал снег под широкими осиновыми досками днища саней. Мохнатая кобыла время от времени всхрапывала, выпуская облака пара из широких заиндеветых ноздрей. Укрытый медвежьей полостью Прокша зябко поёжился. Ушло то время, когда он был молод, и горячая кровь согревала могучее тело. Теперь он стар, уже девятый десяток лет разменял наемни. Болят суставы, тянут жилы сырость и старые раны. Но разум его светел и могуч по-прежнему. Отговаривали его бабки-вещуньи, потворы и кобники, но не смог ведун усидеть на месте, на тёплой лежанке. Слишком важно было откровение Велесово, что пришло к нему во вторую седмицу просинца¹. Будь что попошле, послал бы вместо себя баяна Векшу, но дело оказалось слишком важным, чтобы слова можно было доверить кому-то младшему и по возрасту, и по иерархии. Не всякого волхвы славянские слушать станут. А уж тем более решение своё выносить. А от нынешнего слова судьбы народов зависят. И судьба их. Дадут добро старшие волхвы – изменится история рода славянского. Не дадут – наступит лихая година, и канут в небытие племена. Присмотрит в себя мать-земля погосты и городки, могилы и жертвенники. Истлеют заброшенными изваяния Стрибога и Перуна, Мокоши и Берегини. Не принесёт удачливый охотник подношение Диване, уважаемой супруге Святобора, покровителя лесов, коими богата словенская земля. И Лада, мать всех богов, истлеет, покинутая своими народами, коих не сумела сохранить на лице своём...

– Подъезжаем, господине... – обернулся правящий лошадей отрок, ходящий в учениках у облакопрогонителя Малюты, дальнего родственника Прокши.

Старик открыл неожиданно яркие глаза и сурово кивнул. Юноша невольно передёрнул плечами, словно ему стало холодно. Уж больно не вязались пронзительно-синие, словно у молодого мужчины, глаза с выдубленным солнцем и ветрами, иссечённым глубокими морщинами лицом. Это был знаменитый на всю округу ведун, переживший столько, что ни один баян не в силах измыслить, выдавший и неведомые народы, и чудеса заморские, и прошедший не одну битву рядом с воями. Но некогда возгордился молодой славянин силой и ловкостью и не поклонился Перуну, не дал жертву после удачного похода. Люто наказал его буйный бог: зимой, в бою кулачном, поскользнулся на наледи муж, ударился спиной о бугорок, крошечный вроде, и больше не поднялся. Отнялись ноги, отказались ходить. Навсегда отказались. Чего только не делали с воином, как не врачевали – бесполезно. Высохли обе ноги, стали, словно палки, худыми да тонкими. Понял тогда лишь Прокша, что обидел бога. Молил его о пощаде, но Перун своё решение никогда не меняет. Скажет – умрёшь. И сложишь свою голову, как бы ни старался её сохранить. Так и тут, не стал Перун возвращать умение ходить бывшему воину. Дал ему взамен другой дар, ведовской. Посылал к калике видения, в коих рассказывал, что будет. Честно посылал. Без обмана и морока. Словно через чистый тонкий лёд речной видел Прокша, что случится должно вскоре. И ни разу предсказания ведуна не обманули славян. Всегда сбывались.

Разное изрекал Прокша. Когда хорошее, когда плохое. Не скрывал, за кем навий Чернобог придёт, а кому Лада улыбнётся. Честен был. За что снискал уважение поначалу у воинов, затем и у жрецов. А ныне везут Прокшу на Большой собор – волхвам он должен своё слово изречь. И как примут те слово, такой и будет судьба мира...

– Тпру! – натянул поводья юноша, останавливая кобылку перед высоким, чуть не в три человеческих роста, частоколом.

Пред оградой людно было. Много народа с варяжских земель съехалось на Большой собор. Были поморяне из краёв, где Ярило по половине года по небесам гуляет, а вторую поло-

¹ Просинец – январь.

вину спит крепким сном. Приехали и с полуденного края, где неведомые племена пробуют откусить себе под пастбища землю, принадлежащую славянским родам. И с восходного края земель явились посланцы, и с заходного. Но не каждый, кто возжелал, может прийти на Большой собор. Лишь самые высшие, самые знающие, самые могучие. Так что ждать сопровождающие волхвов, ведунов, баянов, ведьм и прочих за первой оградой должны были. Внутри же лишь допущенным пройти можно.

Двое могучих воинов, закованных в доспехи с ног до головы, в алых плащах, подбитых пушистым мехом полярной лисы, шагнули навстречу саням, в которых восседал Прокша, и легко подхватили ведуна на скрещённые руки. Почёт и уважение неслыханное! Единственный он, кого на руках на Собор несут...

– Пойдите чуть, други.

Мужи замерли. Мгновенная тишина спустилась на людскую толпу, собравшуюся у ворот, ведущих внутрь ограды, увешанной черепами зверей и птиц. А седой словно лунь ведун взглянул на пронзительно-чистое небо, на белый нетронутый снег вокруг, на громады елей, тяжело вздохнул и шепнул, сберегая последние силы для пророчества:

– Идёмте...

Ибо знал ведун, что речь его на Соборе последней в жизни будет...

Глава 1

В очаге длинной воинской избы ярко пылал пламень. Длинные языки взмётывались над большими поленьями, аккуратно распущенными вдоль, изредка стреляли искрами. Чист огонь, который горит в сложенной из валунов печи, найденных на дне реки Вожи. Высушенные до звона берёзовые дрова почти не дают дыма. Да и тот взвивается тонкими струями в высоту трубы. Избу в слободе топят по-белому. Длинный дымоход – из глиняных пластин, обожжённых до звона. Возле него, под самой крышей, крытой плахами, пущены могучие балки-стропила, которые держат немалую тяжесть скатов и зимнего снега. Вдоль стен из тёсаных брёвен морёного дуба – полати. На них спят воины. Дружина. Могучие мужи, сильнейшие из племени. Те, на кого пал Перунов выбор. Кому бог даровал воинское умение и непростую судьбу. Ибо не каждому дан талант истинным воем стать.

Нет, как испокон веков заведено: все мужи в племени проходят воинскую науку, начиная с младых лет, едва трава перестаёт коленки дитю росой мочить. Тогда покидает славянин отчий дом, чтобы вернуться в него через долгих двенадцать лет. Или не вернуться. Как боги возжелают. Ибо может юноша голову свою сложить в бою либо не выдержать суровой подготовки, а то и от лихоманки сгореть, невесть зачем насланной девой Мораной. Но коли выживет и вернётся, начинается у него другая жизнь, жизнь свободного пахаря-земледельца. Ставит муж избу, рубит подворье. Не сам, вестимо. Построиться-то он и один может, но сколько времени уйдёт на такое? На помощь приходят родовичи. И близкие, и дальние. Во время стройки убеждённые седины старейшины исподволь наблюдают за молодым мужем, вернувшимся после ратной выучки. Отмечают для себя, ловок ли тот с топором управиться, не заставляет ли животных тягловых больше положенного трудиться. Потом, когда дом и усадьба готовы, собираются старшины на совет, где и выносят свой приговор – быть родовичу полноправным членом рода или стать изгоем. А то и проклясть могут, ничего не объясняя. Всякое бывало... Но коли благосклонен взгляд стариков, то приходит из капища жрец. Кропит кровью петушиной порог во славу Матери богов, Мокоши Светлой, благословляет нового сородича, и племя поёт ему хвалу. После всего приводят на новое подворье скотину и птицу, набивают амбар зерном для посева, а сундуки – домашней утварью: посудой деревянной, любовно вырезанной долгими зимними вечерами, и глиняной, на круге гончарном сотворённой искусными пальцами, одеждой льняной и шерстяной, расписанной знаками родовыми, и прочим, что необходимо на первое время молодому хозяину. Остальное сам должен добыть либо изготовить, а то и выменять, если будет на что. Но через год снова наведываются к нему старики, придирчиво проверят каждый уголок, каждый сундук. Спросят за каждую вещь, что дал ему род, за каждую курицу, за каждую скотину. Посмотрят, полны ли закрома и кладовые, есть ли за едки-соленья в погребе. Справа воинская, из слободы принесённая воем, в порядке ли? Показал ли себя добрым, разумным хозяином славянин или нет? Строг их взгляд, несмотря на возраст, и зорок. Любую оплошность углядят. И вновь соберутся на Совет вечером, станут рядить-судить, думу думать. Всю ночь просидят, а наутро, с первыми петухами, пойдут на поле родовича. Ибо по росе видно лучше всего, как тот пахал, как сажал, как ухаживал. Посмотрят, а после вновь в град возвращаются. И опять в избу общинную на Совет. Выпьют старики не один кувшин мёда, съедят не один каравай хлеба, а к вечеру, к зорьке закатной, решение своё вынесут – достоин ли воин стать земледельцем, с честью ли станет носить имя пахаря. Руки у него умелы, к братьям меньшим добр. Нрав спокойный. Посему – принять в род... И появляется улыбка на лице мужчины. Ибо больше он не выюнош² бесправный – хозяин! И отныне у него, как и прочих, слово на сходе общинном право молвить есть. И обязанности. Пусть в слободе парень лучший

² Выюнош – младший родович, голоса на Совете не имеющий.

среди сверстников был, но толку что? Мечом махать, из лука стрелять – дело дурное. Не столь почётное, как носить имя пахаря. Ибо кормить род большего стоит. А врагов на славянских землях в то время и не видавали. Приходили встарь из дальних земель чужаки, но миром решалось всё. Встречались на поле старшие славян и находников³, договаривались. Выделяли чужим земли, благо Славения велика и обильна ими, показывали выборным, помогали осесть, построиться и корм даже на первый год давали щедро, пока свои урожаи не снимут. Словом, мирно жили. Как и положено. Хлеб – всему голова. Не меч и не сталь.

Но вот стал славянин родовичем. Владеет подворьем, всяко дело у него в руках спорится, скотина плодится, здоровеет. Приходит и первая осень после признания его и приёма в род. Собирается первый урожай. И на празднике Урожая, благословлённом богами славянскими, выбирает себе молодой родович хозяйку, ладу сердца своего, поскольку за два года уже смог и приглядеть себе усладу по сердцу, и познакомиться, а то и сговориться тайком... Так было... В старину... И не было почётней имени у родовича, чем вольный пахарь...

Старый дядька Святовид умолк, закончив историю. Усмехнулся в густые висячие усы, осушил ковшиком ледяной воды, принесённой отроками, шуганул беззлобно:

– Всё! Спать всем. С утра в поход пойдём. По Чёрной речке, в Совиное урочище, там по болоту до Сувалок, а далее – снова в Слободу.

Мальчишки послушно разбежались по своим местам. Слав натянул на голову потёртую волчью шкуру, прикрыл глаза. Станные вещи говорит старый дядька. Чтобы пахарь – да почётнее воина? Когда же такое было? То ли дело – броня крепкая, вострый меч, лук со стрелами, горячий конь под седлом и бегущие в страхе находники, падающие на землю мёртвыми от его руки! Мир! Как же! Придумают старики... Сколько себя помнит отрок, каждый год на славянские земли приходят враги. Из степи, из-за Каменного лба, с полуденных земель. И горят славянские грады и деревни, гибнут люди. Пахари, кузнецы, вои. Женщины, мужчины, дети и старики. Враги не щадят никого. Уводят в полон, выжигают поля. Нет мира на земле. Нигде нет под небом Свароговым. И с каждым годом всё злее враги славянские, всё чаще находники топчут родную землю, всё страшнее и лютее их дела.

Слав поёжился под вытертой полостью, почесал нос. Плотнее зажмурил веки – спать надо. Утром дядька погонит по лесам и буеракам, придётся туго, коли не отдохнёт хорошо. И так засиделись за бывальщиной. Всё же не утерпел, высунулся из-под длинного старого меха. Точно, у Храбра, друга лучшего, тоже сна нет. Глаза блестят от языков пламени в очаге, а со стороны кажется, будто горят настоящим огнём. Решился спросить, что мучило:

– Храбр... Храбр? Не спишь?

– Чего тебе?

– Чудные речи дядька Святовид говорит.

– Чем же чудные?

– Сам посуди, как это – пахарь выше воина стоит?

Друг почесал макушку, потом пожал плечами, видными из-под шкуры.

– Так пахарь кормит. А воин – он что, нахлебник. Мечом хлебушко не вырастишь.

– Зато добудешь!

Храбр снова голову почесал в раздумьях, потом нашёл ответ, обрадовался:

– Так и добытый хлеб кто-то вырастил. Значит, без пахаря – никуда. Голодный много не навоюешь.

Слав затих – верно выходит. Получается, пахарь – главный.

...Утро началось как обычно: отроки шумной ватагой высыпали во двор, справили свои дела в отхожем месте и помчались гурьбой к ручью. Стремнина всё же подёрнулась за ночь тонкой корочкой льда. Пришлось привычно разбивать лёд кулаками, плескать обжигающую

³ Находники – атакующие.

воду в лицо. Потом – по куску еловой смолки в рот, чтобы зубы крепкие почистить. Далее – обратно во двор воинской слободы. Там уже ждали старые бойцы племени, готовые обучать молодёжь суровой воинской науке. Те, кто уже прошёл посвящение и перевалил за шестнадцать вёсен, занимались отдельно, так что сейчас лишь отроки разных лет выстроились в одну линию. Дядька Святovid, потирая чисто выскобленный поутру подбородок, окинул всех зорким, несмотря на прожитые годы, взглядом, ища недостатки, затем сурово бросил:

– Вздеть мешки!

Строй рассыпался – беспорядочной гурьбой молодёжь бросилась к вешалу, на котором красовались помеченные рунами заплечные котомки, набитые камнями. Воины постарше уже подготовили их заранее, положив в каждый мешок вес, соответствующий возрасту и сложению отрока. Слав закинул свою ношу за плечи и едва сдержал «ох» – котомка ощутимо потяжелела, по сравнению с прежним разом. Друг Храбр тоже скривился – видать, и ему положили пару лишних, обкатанных рекой булыжников. Зато дядька Святovid довольно улыбнулся, завидев недовольные лица юнцов, потёр шею в вырезе полотняной рубахи – старый шрам, похоже, зудел от мороза. Затем подал команду:

– Бегом, вперёд!

Слаженные из толстых дубовых плах, окованные пластинами меди ворота слободы широко распахнулись, и гурьба рванула из них по следу одинокого всадника, прокладывавшего тропу по нетронутому снежному покрову. Путь был неблизкий: от Чёрной речки до Совино урочища семь вёрст. Да от урочища до Сувалок ещё столько же. Ну и последний отрезок пути, если по прямой, через болото – девять вёрст. А коли топь лесную обходить – так и все пятнадцать. Посему силы стоило экономить. Здесь не время важно, а дойти. Не свалиться замертво посередине дороги, потому что придётся друзьям-товарищам тащить упавшего на себе. Да и ноги беречь нужно – поскользнёшься на обрывистом берегу, подвернёшь ступню – опять же твои друзья тебя понесут, ибо есть у славян одно, но самое важное правило: сам погибай, а товарища выручай. Славы своих не бросают. Ни в беде, ни в радости. Потому и жив народ славянский до сих пор, что один – за всех, и все – за одного. Коли беда в один род приходит, все племена на помощь встают.

Вот и Сувалки. Половину пути, почитай, отмахали. Слав, выскочив на взгорок, оглянулся, скривился, словно от боли, – отроки растянулись чуть не на версту. Первые уже торили тропу по краю болота, поскольку путь был проложен вокруг не замерзающих даже в самые лютые морозы бездонных пучин, а последние бегуны едва только показывались из-под крон вековых елей. Плохо дело. Плохо... Спина ноет, ибо груз ему дали полуторный против прежнего. Пот заливал лицо, рубашка, поверх которой накинута волчья шкура мехом внутрь, уже мокрая. Если станет бежать медленней, то мокрая одежда быстро вытянет тепло из разгорячённого тела. Застудит отрок мышцы – и всё, считай, сорвал силу. Не вырастет из него крепкого воина. Но и своих бросать нельзя. Никак нельзя! Помедлив чуток, всё же решился – сбросил с плеч свою котомку, вихрем слетел с горушки, пропахал целину, словно тур могучий, достиг последнего.

– Что, Олуш, совсем тяжко?

Тот ничего не ответил, запалённо дыша, замер на месте, потом нагнулся, зачерпнул ладонью снег, и – Слав не поверил своим глазам – отрок, бывший на два года младше его, жадно ухватил белую порошу ртом.

Хлёсткий удар заставил вытряхнуть снежинки из руки.

– Совсем с ума сошёл?! Ну, я с тобой ещё поговорю вечером! Бегом!

– Н-не могу...

– Можешь. Понял? Можешь! Сдохни, но шевели копытами! Сам себе хуже делал, и другие нонеча из-за тебя должны страдать? Моли всех богов, чтобы я промолчал, Олуш! Беги! Умирай, но беги!..

Они взобрались на вершину горы, где в снегу стыла котомка Слава, и тот, не останавливаясь, забросил лямки мешка на плечи, толкая впереди себя неразумного. Сколько было говорено – нельзя разгорячённому воину пить на бегу! Самое большее – прополоскать водой рот да выплюнуть, как бы сильно ни хотелось утолить жажду. Тем паче – снег! Растаять он, разумеется, растает во рту. Только ледяная вода, попав в разгорячённое нутро, всю силу отнимет, если не случится и чего хуже. Потому-то Олуш и помирает на ходу, что снег горстями глотает, разбрасывает силу последнюю свою и тормозит прочих отроков. Поскольку будут они ждать последнего у ворот слободы, ибо только все вместе могут войти на подворье. А не будет кого, побегут обратно по следу, искать отставшего. А ведь Олуш уже позади всех почти на двести сажень.

Вымахнули на очередную гору – далеко внизу расстилается бескрайнее поле. Прищурившись, Слав взглянул на Око Сварожье, Ярило Красное, прикинул – успевают до темноты. Конечно, сумерки уже падут, но до слободы должны засветло добраться. Кинул взгляд влево – Олуш держится рядом. Видно, открылось всё же второе дыхание, когда бросил дурью маяться да снег глотать. Теперь и дышит ровнее, и грудь не ходит ходуном, как до этого, да и шевелится вроде легче. Может, и будет толк со временем. Улыбнулся про себя – и разница-то в две весны всего, а насколько он уже больше знает, чем этот... молодой... Самому такие пробежки не в новинку, а Олуш в первый раз столь длинный путь одолевает... Ничего, тоже привыкнет, втянется. А вот они глупость сотворили: поскольку среди них новик, нужно было сразу приглядеть за парнишкой устроить. А теперь потеряли время. Ну, хоть догадались не пускать его тропу торить. Кстати, очередь Слава три версты первым бежать. Участил бег, прорываясь вперёд. Его послушно пропускали – все счёт ведут, все знают, что его время пришло. В науке воинской ведь что: не обязательно первым быть, главное – всем вместе. Один – за всех, все – за одного. Славяне своих не бросают... Вымахнул вперёд, нагоняя бегущего первым Храбра, кинул руку ему на плечо, выдохнул:

– Меняемся! Гляди за Олушем!

– Понял, брат!

Друг сбавил темп, оттягиваясь назад и пропуская вперёд остальных. Сообразил, что приглядеть за молодым обязательно нужно.

Левой – правой. Левой. Правой. Ритм подходящий. Снег, правда, рыхлый, но терпимо. И пот перестал лить в глаза. Слово обрезало. Зорко смотря вперёд, выглядывал коварные ловушки, взметая комья снега за собой. Выскочил на торный путь – бежать куда как легче! Осталось-то всего две версты – и слобода! Промчался сажень триста, оглянулся – все здесь. Все двенадцать отроков. Последними бегут Храбр и Олуш. Нормально. Замер перед покрытыми льдом плахами ворот, отдуваясь. Ан, всё же не в пример легче ему дался этот пробег! В прошлые-то разы едва не валился с ног, оказавшись перед воротами. А сейчас – ничего. И грудь уже успокаивается, и хрипа со свистом внутри нет.

– Все?

– Все! – отозвался нестройный хор голосов.

Слав уловил и глас новика. Кивнул одобрительно, степенно подошёл к воротам, взял колотушку, стукнул в било. Негромко. Лишь бы знак подать. Едва слышно скрипнули петли, разошлись створки. Вот и слобода. На пороге воинской избы стоит дядька Святовид, усмехается одобрительно в длинные усы.

– Храбр, Слав. Как помоетесь, зайдите ко мне.

– Да, дядько!

А глаза уже видят вкусно хрустящих овсом трёх незнакомых коней у коновязи под высоким навесом. Гости? Не дело проявлять излишнее любопытство. Сейчас в баню, смыть с себя пот и шлак, что выступили на коже после такого испытания. Простирнуть быстро едким щёлоком насквозь мокрые порты и рубаху, поменять на чистое. Потом – ужин. Поскольку обед

отроки пробегали по лесам и буеракам. И уж потом лишь к дядьке, в его избу, где старые вои-воспитатели живут.

...Постучали в дощатые двери. Дождались разрешения, вошли в жарко натопленную избу, обстучав в сенях поршни от снега, поклонились в пояс, выказывая уважение старшим и гостям. Выпрямились, жадно рассматривая прибывших. Двое – воины в расцвете лет. Третий младше их, годов двадцать на вид. Одеты добротно. Белёного льна толстые штаны, такие же рубахи. По вороту у каждого – родовые узоры. Да... Вовсе незнакомые почему-то. Хотя видно, что дядька Святовид почёт и уважение гостям оказывает нешуточное: стол ломится от яств, на Божьей ладони даже тусе немалый стоялого мёда. Однако... И взгляды у всех троих чужаков пронизывающие. Суровые. Одновременно оценивающие.

Дядька глазами показал – в угол идите. Отроки вновь поклонились, молча уселись на лавке там, где велено.

– Они? – Похоже, старший из гостей.

Наставник кивнул:

– Эти. У одного – слух редкий. Иной раз такое разбирает, что диву даёшься.

Это о Храбре. У него такой дар.

Одобрительные кивки гостей. Потом самый молодой с какой-то непонятной иронией взглянул на Слава:

– А сей отрок чем знатен?

Святовид в ответ едва заметно улыбнулся:

– Словенин он.

И – как отрезало. Ну да, словенин. Как и все в слободе. Как и гости. Что тут такого? Но посуровели лики приезжих. Затем старший вполголоса спросил:

– Уверен, *воин*?

– Слово даю, воевода.

Непонятно... Что дядька имеет в виду? А старший уже смотрит на отрока, и ощущение от взгляда приезжего чужака, будто он всю твою душу вынул из тела, на столе разложил, а теперь тщательно рассматривает, ища в ней изъяны. Даже мурашки по спине побежали. Но терпит Слав. Не подаёт виду, что не по себе ему... Внезапно всё пропало. Молодой положил руку на плечо старшего, и отпустило.

– Верно говорит Святовид: сей отрок – славянин есть, Брячислав.

Тот на младшего взглянул:

– Верю тебе, Боян. Сие – словенин! Беру обоих, воин.

– Так тому и быть, – гулко припечатал доселе молчавший третий.

Дядька вздохнул:

– Когда в путь?

– Утром.

Святовид посмотрел на притихших отроков, махнул рукой:

– Идите в избу. Собирайтесь. Поедете с гостями.

Подростки поднялись, поклонились, потом Храбр осмелился:

– Куда собираться, дядько?

– Пойдёте к Хлопоне, в кладовую. Он знает.

Снова оба юноши поклонились, выказывая уважение, степенно вышли из избы. Но, едва оказавшись на улице, со всех ног припустили к торчащей из снега покатою горбатой крыше оружейни, где ждал их одноногий увечный воин, заведующий кладовой. Тот встретил отроков обычно. Значит – молча. Немного словен был от роду. Указал шуйцей, где стать, чтоб не мешались, сам, поскрипывая оструганной деревяшкой, примотанной ремнями к культе правой ноги, углубился в ряды вешал, где хранилось имущество слободы. Через миг оттуда вылетело два заплечных новеньких мешка, шлёпнулись на большой стол. Затем появился сам, неся в

руках ком одежи. Двое рубах. Двое порток. Одни тёплые, толстой шерсти, зимние. Вторая пара полегче, из льна. Портянки новые. Обмотки. Пояса кожаные, справные, в бляшках бронзовых, густо покрытых жиром. Сунул подросткам по куску ветоши, мол, оттирайте пока. Те принялись за дело. С виду нехитрое, однако, если жир на кожу попадёт, потом пояс пятнами покроется, позору не оберёшься: руки – крюки!

Легли на стол ножи. Настоящие, воинские, в простых деревянных, обтянутых волчьей шкурой ножнах. Охотничьи-то у каждого отрока свои есть. Пара ложек резных деревянных, каждому. Коробочка берестяная с иглами и нитями, льняными суровыми и жильными. Ещё такая же на вид, но чуть меньше, с крючками рыболовными и лесой. Реки славянские рыбой обильны. Но сие – лишь знак, что поездка у отроков надолго. Зимой рыбу не ловят. Бывает такое, но крайне редко, и только по особому разрешению жрецов. А они такое ой как редко дают... По моточку верёвочки тонкой, сажени по три каждый. Два точильных камня – один грубый, второй тонкий. Каждому. По аркану воинскому. Тоже непонятно. Не в степь же чужаки отроков повезут? Да и не бывало такого, чтобы славяне рать собирали для набега. На защиту земли родной – то да. А вот для того, чтобы набег самим совершить, – никогда. Ибо противно сие самой душе русичей.

С вещами всё. Хлопоня суровым взглядом оглядел обоих отроков, уже закончивших порученное им дело. Вдохнул, опять исчез среди вешал, затем вновь явился, и оба парня не поверили собственным глазам: мечи... Два небольших, но тем не менее настоящих боевых меча. Затем на стол легли два самострела. Воинских. К каждому – по два тула стрел. Зоркие глаза сразу ухватили наконечники – боевые... Значит, всё же воинский поход? Отроки переглянулись между собой, и, уловив сие, Хлопоня гулко вздохнул, снова ушёл в своё хозяйство. На сей раз его не было дольше против прежнего, потом он вернулся, бросил на пол два мешка. Чуть слышно брякнуло.

– Примерьте.

Уже догадываясь, что там, дрожащими от возбуждения руками развязали завязки... Доспех! Пусть не железный, но самый настоящий воинский доспех! Густо проклёпанные большими металлическими бляшками рубахи в палец толщиной кожи из турьего хребта, усиленные на плечах металлическими полосами. Толстые волосяные рубахи, что под кольчугу надевают. Штаны боевые. Тоже кожаные, тоже клёпанные. Сапоги. Глаза разгорелись не на шутку. Отроки стали их торопливо натягивать, но тут же схлопотали по подзатыльнику:

– Не спешите!

Спихнулись. Успокоились. Не в первый же раз. Так чего суетимся? Чего-чего! То доспех учебный был. Один на всех. А эти – только их! Отрокам даны! Им и владеть воинской справой... Надели. Помахали руками, поприседали, попрыгали. Остались довольны – нигде не жало. Ничего не болталось. Ремнями подтянули немного слабинку. Выбрали зазоры. Словом, подогнали по фигуре. Глаз, однако, у дядьки Хлопони...

– Собирайте всё.

Каждую вещь тщательно уложили в мешки. Понятно, путь неблизкий. И – надолго. Тоже ясно. Закончив, отдали проверить. Калика заглянул внутрь, одобрительно кивнул, показал – надевайте. Набросили котомки на плечи, вновь попрыгали. Всё плотно. Ничего не гремит, не звенит, не брямкает. Опять дождались одобрения, сняли с плеч мешки, поставили в угол. Утром, после завтрака, заберут. К отрокам в общую избу такое нести не следует. Уже понятно, что язык за зубами держать нужно. Хлопоня опять на отроков взглянул, обронил:

– Спать здесь будете.

Открыл неприметную дверь, ведущую в клеть, втолкнул обоих. Закрыл. Глухо стукнул деревянный засов. Храбр со Славом переглянулись: однако... Да делать нечего. Застелили лежаки шкурами, которые тут же лежали, улеглись рядышком, накрылись здоровенным лос-

кутным одеялом. Сон, впрочем, не шёл, но и разговаривать отчего-то не хотелось. Да и умаялись, если говорить честно, после дневного пробега. Так что уснули почти мгновенно.

А утром, едва забрезжил свет, Хлопоня обоих разбудил:

– Собирайтесь.

Слобода ещё спала, но умывшихся отроков ожидала кухня. Горячая похлёбка, просяная каша, щедро заправленная мясом и льняным маслом, хлебушек тёплый. Дежурный кашевар поглядывал на отроков с жалостью, но держал свои слова при себе. А те уписывали пищу с жадностью. За ночь тела пришли в себя, и хотя вроде ужин и был не менее сытным, но желудок всё необходимое для восстановления сил просто не мог принять в себя за один раз. Так что и Храбр, и Слав восполняли недостающее с аппетитом. Едва закончили и помыли за собой посуду, как стукнула дверь, и в трапезной появился дядька Святовид. Подсел к столу, оглядел обоих мальчишек, вытянувшихся в струнку, остался доволен, похлопал по лавке ладонью. Те послушно уселись по обок.

– Значит, слушайте. Поедете с князем Брячиславом. Ему два отрока нужны в дружину. Кивнули.

– Он из Арконы.

Затаили дыхание – чудо, град знаменитый!

– А там – как ваша судьба ляжет. Но помните: каждый человек – творец своей жизни. Не подведите меня, не опозорьте род.

– Да, дядько, – в унисон произнесли оба и растерялись от ласки, невиданной прежде.

Святовид на мгновение прижал их к себе, обхватив за плечи, потом отстранил:

– Удачи вам, сынки.

Глава 2

Солнышко уже начинало красить снег в багрово-розовый цвет, и небо было на удивление чистым. Князь, восседавший на рослом вороном жеребце с удивительно длинной гривой, в которую были вплетены обереги, звучным голосом, не обращаясь ни к кому, произнёс:

– Добрый знак.

Затем легонько тронул своего коня. Тот всхрапнул, выпуская клубы пара, сделал первый шаг, переступив через невесть откуда взявшуюся кучку снега на утоптанном сотней ног дворе. За ним потянулись остальные воины Брячислава, и оба отрока из слободы с ними. Скрипнули, закрываясь, ворота, и никто не видел, как к крошечному сугробу подошёл Святовид, нагнулся и вытащил из-под снега обыкновенную плетё, удовлетворённо улыбнулся в усы и вполголоса снова произнёс:

– Удачи вам, сынки.

Тридцать воинов вытянулись цепью по узкому санному пути, пробитому родовичами мальчишек, которые возили продукты обучающимся военному ремеслу детям и тем, кто заслужил на поле брани право защищать славянские роды постоянно, сделав войну ремеслом своей жизни. Тишина. Ни слова не проронил ни один из путников с отъезда. Как ни чесались языки у отроков, но, видя пример старших, да и помня, что в слободе им даже попрощаться не дали с ровесниками, парни ехали молча, как и взрослые, понимая, что настанет время, старшие всё расскажут молодшим. Через десяток вёрст неспешного хода свернули на лесную дорогу. Густой, почти непроходимый для чужих бор замедлил путь ненамного, хотя кони ступали по целине сторожко, опасаясь инстинктом попасть в незаметную под пушистым покровом яму. Мальчишки настороженно осматривались по сторонам – а ну как леший начнёт хороводить? Тогда всё пропало, до весны будут блуждать. Если доживут. Воины не стали останавливаться на днёвку, спеша преодолеть отрезок пути до последней слободы рода Медведя племени росавичей, к которому и принадлежал род Волка, из которого происходили Слав и Храбр, и к вечеру отряд вышел на лёд широкой реки. За весь день никто не проронил ни слова, что, откровенно говоря, напрягало мальчишек. Но поскольку род выказал им доверие, отправив с князем, оба отрока сдерживали себя, получив перед воротами чужой слободы одобрительный взгляд самого Брячислава. Неспешный путь их не утомил, но отданный старшим воем приказ был недвусмысленным: немедленно ужинать и спать.

Так что, лишь перекинувшись парой слов сугубо по делу, когда передавали своих небольших степных мохнатых лошадок коноводам медвежьей слободы, да на кухне, поблагодарив за сытный ужин, отроки с важным видом настоящих дружинников проследовали на сеновал, где зарылись в душистую сухую траву.

Разбудили их опять затемно. Быстрый плотный завтрак, где нужно было съесть всё до крошки, чтобы не прогневить Божью ладонь, проверка своих лошадей, всё ли у них в порядке. Заглянули в мешки – не требуется ли переложить укладку, чтобы коню было удобнее. Приторочили к сёдлам по мешочку с провизией на дорогу. Кроме пищи обоим выдали по большой медвежьей шубе. Не хотели было брать знак принадлежности к чужому роду оба волчонка, но хватило одного сурового взгляда крепкого воина средних лет, который ходил в помощниках князя, как весь гонор ушёл мгновенно, и плотно скатанные в тучки тулупы заняли своё место среди поклажи. Впрочем, такие же точно подарки получили все воины дружины, и ни один из них даже не подумал отказаться. А ещё у мальчишек забрали их самострелы, заменив подобными же, но более ухватистыми. Новое оружие было немного легче родового, хотя, как заверили, по силе боя и точности ничуть не уступающим волчьему.

Князь подал команду, и отряд так же молча, как и прежде, двинулся с первыми лучами солнышка дальше... Уже вечером отроки смогли оценить подарок, когда остановились на

ночёвку на льду реки. Огня не разводили, просто нахлобучили на головы коней торбы с отборным зерном, спутали передние ноги и улеглись прямо на снегу, закутавшись в дарёные шубы. Старшие воины стерегли по очереди. Отроков к делу пока не приставляли. И хотя утром вставать было тяжело, как-никак третий день в седле, тем не менее мальчишки держались бодро. Завтракали уже на ходу, грызя сушёное мясо и ржаные сухари, запивая холодной речной водой, набранной в берестяные фляги из пробитой мимоходом кем-то из воев проруби. Вода была вкусна, хоть и немного поламывало зубы. Но когда в желудок попала пережёванная пища, юноши и вовсе повеселели, тем паче что один из воев, обгоняя их, бросил, что ночевать будут во граде Лисице. Племя родное, подумаешь, род другой. Ничего страшного. Да и стоять будут аж целых два дня – коням отдохнуть надо, а воинам баньку принять. Уж целую седмицу в пути.

В племени отроков девятидневную неделю не признавали, жили по семидневной. Так и вышло. Ко второй четверти после полудня показался град. За покрытыми снегом верхушками тына виднелись высокие крыши, украшенные турьими рогами. Глубокий ров опоясывал поселение, над надвратными башнями курились слабым дымком костры стражи. Хоть и неслыханно, чтобы вороги нападали на славянские грады по снегу, но всё когда-нибудь бывает в первый раз, так что службу в поселении знали.

Оказавшись на площади, князь отдал приказ спешиться и зашагал к выстроившимся перед ним старшинам града. Брячислава встречали хлебом-солью, как и положено дорогого гостя. Увели в родовую избу. Уважение всё же. Прочих воев также определили по домам. Мальчишек забрала с собой одна из вдовушек. Пожилая, но крепкая ещё тётка в длинной оленьей дохе. Дом у неё был не пустой, Слава и Храбра встретили четыре пары глаз. Две девичьих, две мальчишеских. Что дочери у вдовы, что сыновья – близняшки, не различишь. Усадив гостей в красный угол, женщины хлопотали. Младшие, братья, смотрели на гостей восхищёнными глазами – как же, в дружине воинской отроки! Значит – бойцы! Да и девчонки не отставали, стреляя глазками в сторону степенно сидевших на лавке мальчишек, когда носились по избе туда-сюда, выставя угощение. Наконец хозяйка пригласила гостей к столу, и ребята принялись за трапезу. Младшие дети засновали по двору, таская дрова в баню, над которой уже в полную силу курился столбом дымок каменки. Ели степенно. Опять же молча. Не принято у славян за столом пустые разговоры вести. Закончив, поблагодарили щедрую хозяйку. Та поклонилась в ответ, дочки тоже. Как стол прибрали да посуду помыли, так и речи держать стали. Говорили, в ожидании, пока истопится Чистота Души, о жизни в граде, о том, как уродился хлебушек в этом году. О пути похода и цели его даже не заикались, ни хозяева, ни гости. Поведали о родичах своих, оказалось, что чуть ли не родственники – кузнец рода Волков намерен сноху в этом граде взять, своему сыну жену. Отроков по осени, согласно укладу, на седмицу домой отпускали, так что новости они градские своего рода знали. Да и так, когда родовичи продукты привозили в слободу, тоже щедро вестями из дому делились. Словом, за речами и время пролетело, а там и банька поспела. Воздух горячий, сухой. Да парку поддать ещё! Жар костей не ломит! А потом, горячие, распаренные, да в сугроб, и снова на полоч... Пока парились, хозяйки порты да рубахи выстирали со щёлоком, под коньком повесили в избе. К утру высохнет. А разомлевшие отроки, облачившись в чистую смену, вновь уселись на скамьи за Божью ладонь, наслаждаясь взваром травяным, душистым. Словно вновь лето вернулось, так пахнет вкусно сбор, запаренный крутым кипятком, да и медок липовый, светлый на столе, свой аромат вносит в общую лепту. Благодать.

Правда, лепота недолго была. Стукнули в дверь – на пороге незнакомый отрок. Окинул взглядом разомлевших мальчишек, значок княжеский показал, передал на словах: завтра отдыхать, в путь – через день. Должны ещё гости пожаловать. С ними и двинутся. Поблагодарили гонца. Снова за взвар принялись, с заедками сладкими подоспевшими. Дочери хозяйкины подсели к столу, угощают, пересмеиваются, шуточками перешучиваются. А взгляды

как друг дружки перехватят, так и девчонки, и ребята краской заливаются. Да дар речи невесть куда теряется.

Но шутки шутками, а дело делом. Остыв после бани, отроки оделись в верхнее. Кликнули мальцов, попросили их на общинную конюшню проводить, куда коней забрали. Те и счастливы безмерно: ещё бы, ведь их *воины* попросили помочь! Для четырёхлеток-то ребята четырнадцати вёсен от роду – уже взрослые! Провели. Показали. Что Слав, что Храбр своих лошадок осмотрели тщательно, заглянули в кормушки, проверили воду, что налита коням была, не холодна ли? Не застудят кони боевые нутро себе? Затем сбруей занялись – всё ли в порядке? Ремни, пряжки-застёжки не потянулись ли? Не появилось ли надрывов на подпруге или ещё чего? Попоны высохли ли? Коней хорошо почистили? Спины целые у лошадок мохноногих? По горбушке, щедро солью посыпанной, скормили. А кони ласково тыкались в ладони мальчишек тёплыми губами, жарко дышали ноздрями, довольно всхрапывая при виде хозяев.

Ночевали все вместе, отроки и сыновья хозяйкины на полу, расстелив даренные намедни шубы. В избе воздух чистый, тёплый, отдохнули хорошо. А поутру и прочие гости пожаловали – ещё воины. Почти пять десятков матёрых мужчин, одетых справно и снаряжённых. Вёл их второй князь, Гостомysl, родной брат Брячислава. С ними тоже отроков двое. Только из рода Куниц, но племени одного, словенского. А ещё с ними жрец ехал. Тоже молодой, немногим старше Храбра и Слава, весны на две. Но уважением пользовался нешуточным среди воинов. Правда, и не задавался положением своим, вёл себя, как и все. Равный среди равных. Хотя, увидев отроков из рода Волка, полоснул таким взглядом, словно ножом взрезал. Но в следующий миг глаза потеплели, и по обоим мальчишкам словно мягкой варежкой прошлись.

И, как и было уговорено, на третий день в путь двинулись. Все вместе. Куницы с волчатами подружились. Делить-то им нечего было. Одного племени, одного языка, одного уклада. Дружно жили, вели себя вежливо, к старшим с уважением. Так и шли от града к граду, от слободы к слободе. Ночевали, как правило, под крышей. Хотя и в лесу приходилось, и в поле чистом. Жрец Путятя вечерами с отроками беседовал, никого из них особо не выделяя. Рассказывал, как прежде словенские племена жили, о древних землях, о богах славянских, о правилах воинских. К костерку молодых иногда подсаживался кто-то из старших воев. Слушал так же, иногда по усатому лицу проскальзывали и эмоции, смотря о чём речь шла. Потом воин уходил, а отроки спать ложились. Ну а с утра снова на коней, и в путь...

Незаметно в пути и весна пришла. Снег набух, влагой начал сочиться. Появились проталины. Князья, посовещавшись, остановились в одном из градов. Решили обождать, пока земля подсохнет, – не уродовать же лошадей? Конь – друг верный. Так что его жалеть и беречь надобно. А пока земляца влагой талой напоена без меры, учёба воинская отрокам: и мечами помахать, и из луков, самострелов стрелы по мишеням пускать, и побегать с ношей тяжкой по оврагам-буеракам. Вечерами снова Путятя беседы ведёт, просвещает или кто-либо из воев юношей учит: как повязку правильно наложить, как стороны света определить, раны обиходить, как ухаживать за конями, за оружием, за одеждой. Иногда ухватки хитрые боевые показывает. Словом, скучать некогда.

Две недели незаметно прошли. Грохот по реке, возле града протекающей. Лёд вскрылся! Двое суток льдины по воде непрерывно плыли. Потом река очистилась, правда, бурлила она и кипела. Но братья-князья вместе с Путятей жертву принесли, петуха зарезали. Потом жрец дружинный берегинь вопрошал, с русалками беседовал ночью, до самого водяного, хозяина реки, добрался. Вернулся к князьям, дал добро на продолжение похода. И с утра вся дружина в лес потянулась. Рубили дубы, ясени, берёзы. Чистили от веток, свозили в град, укладывали в высокие поленницы. Взамен старшины дали сухой лес, из которого связали плоты. Завели на них коней, спутав, уложили на брёвна. Затем воины и отроки взошли. Оттолкнулись шестами, выправили на середину, и потекли неспешно берега назад.

Так проплыли по реке неделю. Выбрались на широкую гладь огромного озера. Таких больших допреж мальчишки никогда и не видели даже! Стоят на плоту, рты разинув от изумления, а воины, глядя на них, улыбаются. Ну а по выходе из реки – град стоит. Великий. Тоже раньше не виданный. Славянские родовые городки перед ним – что хутор извергов перед градом. И лодьи, лодьи перед причалами длинными... На берегу дружину встречали жрецы. Показали князьям значок хитрый, и гордецы склонили головы, проследовали с убелёнными сединами стариками молча, куда те повели, велев на днёвку становиться. Разожгли костры, стали кашу варить, обед ладить. Наелись все, отроки котлы отмыли-отчистили, как молодые, только тогда вернулись князья. Задумчивые, правда, но вроде как всё нормально прошло. Вскоре подошли к берегу, где дружина стояла, две большие лодьи. Завели на них лошадей, спустили в трюм. Воины следом взошли. Корабельщики паруса, увенчанные знаком Святовидовым, вздели на мачты, и поплыли корабли по озёрной глади.

Из озера в море вышли. И вскоре сизой полоской вдаль показался остров. Как корабельщик об этом прокричал народу с мачты, так оба князя на палубы вышли, взяли каждый по петуху, принесли в жертву. Потом о чём-то молча молились. Слова сердцем складывали. Но и такая молитва богам славянским угодна, ибо не в храмах-капищах истинные славяне молятся, а на воле. И лес ли, степь, озеро или море-океан – не важно. Ибо боги – повсюду. Вместе с людьми от рождения до смерти, да и после неё тоже.

Бухта, где пристали, была большой. И вся буквально забита лодьями. Стояли в ней корабли самые разные – богато изукрашенные резьбой по дощатым бортам, простые, с палубами и открытыми скамьями для гребцов. Были и иноземные – носатые униремы, на вёслах которых сидели лохматые, грязные, закованные в тяжёлые бронзовые цепи существа, напоминающие людей. Широкие, из узких досок гостей с жарких берегов далёкой Аравии. Даже простые деревянные долблёные челны северных племён. И разноязыкий говор, висевший над пристанями, складывающийся в один сплошной монотонный гул. Храбру даже не по себе стало, и, заметив растерянность мальчишки, Путята прикрикнул:

– Не потеряйся!

Князь сурово взглянул на раскрывшего от изумления рот отрока, и тот, спохватившись, стиснул крепко рот.

– Что, решил воронье гнездо свить?

Услышавшие немудрёную шутку дружинники рассмеялись. Но тут же вновь принялись за дело – нужно было свести застоявшихся за долгий путь коней на берег. Те недовольно ржали, фыркали, били копытами. Но крепкие руки хватали животных за уздцы и сводили на доски пристани. Перетаскивали и имущество: продукты, шкуры, оружие. Всё быстро перегружали на присланные из храма Святовиды, возвышавшегося над Арконой, телеги, на которых сидели служки.

– По коням! – подал команду Гостомысл, и дружина ходко, распугивая зевак и приезжих, заспешила по улице в гору, на которой находился храм.

Храбр таранился по сторонам – где ещё увидишь подобные чудеса? Спешит чёрный, словно дёготь, человек в развевающихся одеждах. Или одетый в шкуры чужеземец яростно спорит о чём-то с закованным в панцирь непонятного вида, оставляющий голыми тонкие ноги, таким же чужестранцем. И все кричат, машут руками, жестикулируют... Спохватившись, подал своей лошадке ногами под брюхо, и та, фыркнув недовольно, ускорила ход. Обоз не торопился, но князья не обращали внимания на отставших – они из храма. Так что ничего не пропадёт. Нужно быстрее добраться до места, доложить старшим ведунам об исполненном деле и действовать дальше.

Слав изумлённо запрокинул голову, так что с головы чуть не слетела шапка, – огромный четырёхликий идол возвышался над городом. Оказывается, он намного больше, чем показалось вначале снизу, от бухты. Вот и изгородь морёного дуба, за которой возвышаются дома.

Не такие, как в их родном граде. Построены на иной манер. Только высокие крыши роднят с теми, что привычны его взору. Громадные створки ворот бесшумно распахнулись, и к князьям бросились отроки в белых одеждах, принимая лошадей. Брячислав нетерпеливо спрыгнул со своего вороного, обернулся к младшему брату:

– Гостомысл, определи всех. Потом приходи в верхнюю светлицу.

Тот кивнул, стал сыпать распоряжениями. Первым делом – кони. Потом – баня. Затем еда и отдых.

С утра всех дружинников и отроков построили, и вдоль шеренги затаивших дыхание людей провели белоснежного коня. Тот был ухожен на диво. Его шкура просто лоснилась, а длинный хвост свисал до самой земли. Лошадь вели два жреца немалого ранга.

– Конь Святовидов, – прошептал в восхищении стоящий рядом с Храбром воин.

Все дружинники были одеты в выданные после бани белые порты и рубахи. Точно такие же, как у жрецов. Только без родовых знаков... После провода коня вдоль строя двинулись жрецы. Все – пожилые. Один так и вовсе... Таких старых людей отроки никогда не видели. Изрезанное глубокими морщинами лицо цвета каштана, чуть дрожащие руки, тем не менее крепко сжимающие жреческий посох. И – удивительно светлые глаза, словно сияющие изнутри. Шли молча, казалось, служители даже не обращали ни малейшего внимания на почтительно застывших воинов. Прошли до конца шеренги, остановились. Передохнули немного, ушли внутрь храма. Все ждали. Оба отрока-волчонка буквально лопались от нетерпения – ведь за полгода пути они так и не узнали, для чего отдал их род в дружину князьям. И для чего они нужны братьям, так и неизвестно. Но, похоже, сейчас разгадка самого главного секрета уже близка. И верно. Гулко ударило било. Раскрылись ворота, наружу вышли люди. Жрецы и братья-князья. Подошли к строю. Замерли напротив. Из их сопровождающих старших людей вышли двое плечистых молодцев. Остановились чуть позади всех. Чего-то ждут. Народ напрягся. Занервничал. Кое-кто стал переглядываться. Снова ударило било. Вышел вперёд Гостомысл:

– Радожа, Пуст, Олыг – выйдите вперёд! Вольга, Прост – тоже выйдите!

Названные шагнули, оказавшись сразу у всех на виду. Остальные ждут – к добру ли, к худу людей поименовали. Старший жрец посохом махнул:

– Уведите их на задний двор.

Князья кивком подтвердили: мол, делайте, что велено. Пятеро ушли, понунив головы. А старший жрец вновь посохом махнул, зазвенели весело колечки бронзовые, в головку дерева врезанные.

– Братие! Дело вам поручено от храма Святовидова, от народа славянского. И исполнить его надобно обязательно. Согласны ли вы на разлуку долгую с родной землёй, с домами отчими?

– Согласны! – хором прогудел ответ.

– Доброй ли волей вы на дело сие идёте?

– Доброй!

– Да будет так, братья!

Жрец склонил голову и снова ушёл в храм. Князья переглянулись между собой, на сей раз Брячислав речь повёл:

– В поход идём, дружина! В дальний и долгий. Во славу земли словенской, во имя родов наших!

– Гой-да! – грянул к небу синему общий крик.

Всех отвели в дом дружинный, длинное деревянное строение. Вдоль стен – лавки для спанья, шкурами укрытые. Велели по своим местам расходиться. А где своё, кто знает? Храбр со Славом быстро сообразили – где мешки их, наметни обозным из храма сданные, согласно приказу, лежат, там и место их. Так и оказалось. Снова молчаливой похвалы удостоились, и

рады по уши. Да ещё сердце поёт – в поход идут! В дальний! Наравне со славными воинами! Значит, признали их достоинства, сочли за равных себе ветераны дружины. А вечером... И рты пооткрывали в изумлении все отроки. Дружно вчетвером. Двоих-то отсеяли утром... Оказывается, и воины дружинные также из разных родов, и в поход впервые идут! Не в том смысле, что вообще впервые, а что вместе! Со всех славянских слобод воинских по приказу жрецов выделили князьям лучших дружинников. И теперь у братьев рать доселе невиданная. Не родовая, а всего племени славянского! От всех родов здесь лучшие из лучших собрались! Словом, было чему дивиться, ибо не слыхано подобное ране было.

Утром все на зарядку побежали. И взрослые, и отроки. Одной дружиной. В одном строю. Потом – в реке, через Аркону текущую, омовение. Далё – в оружейную храмовую. Там встречали люди, по ухваткам и поведению видно – мастера. Да такие, что и лучшие перед ними – новички неопытные. Внимательно осматривали каждого, просили показать то одно, то другое. Когда воин делал, что сказано, быстро совещались, затем забирали старое оружие, выдавали другое. Что мечи, что ножи, что луки со стрелами, что броню. Храбра и Слава экипировали заново. И долго вечером сидели отроки над полученной справою, рты открывши от изумления, ибо подобной работы даже представить себе не могли: доспех по рубахе железной, собранной из множества крошечных колечек. Рукавицы такие же, сверху чешуйками крохотными обшитыми. Вроде металл, а гнётся как бы не легче, чем рукавицы-шубники зимние. На ноги – сапоги. Подошва толстая. Тоже металлом обшитая. Ну и прочее оружие. Теперь люди каждыйдневно в своей броне и своим оружием бились. Не всерьёз, конечно. Для учёбы воинской. Чтобы рука и тело к новому снаряжению привыкли. Прочие занятия окромя ратной учёбы тоже были – и плавали в полном доспехе, и ныряли. И на разных хитрых снарядах бою учились: скажем, берут бревно, подвешивают его на верёвках. Потом двое начинают раскачивать того, кто на том бревне стоит. Тут и так удержаться сложно, так ещё и нужно либо из лука-самострела за сотню шагов стрелу в бычий глаз нарисованный положить без промаха, либо с таким же другом-соратником сразиться на мечах, секирах, ножах, а то и просто на кулачках. Словом, доставалось. Редко кто без синяков да шишек ходил.

К осени, однако, народ уже по привычке, кое-чему научился. Но кто же по жёлтой листве в походы ходит? Так и продолжалась учёба воинская. Отроки за этот год вытянулись, раздались в плечах. Как-никак, по пятнадцать вёсен каждому минуло.

Зиму встречали в Арконе. Опять же все вместе. Ребята уже пообтёрлись, ходили по граду, как местные. Задевать их опасались – на рубахах знаки храмовые. Значит, Святovidовы они отроки. Обидь такого – самого бога обидишь. Да и видели горожане, как по утрам они вместе со взрослыми дружинниками бегают, плавают, в стенке стоят в бою кулачном. Словом, уважали. Ровесники же вообще как на живых богов глядели.

Так и зима пролетела. Потекли сугробы, посерел снег, ручьи зазвенели по улицам града, брёвнами вымощенными. И едва потянуло с моря Варяжского густым солёным ветром, закатали жрецы пир для дружинников на добрую дорогу. А чтоб уверенности в добром исполнении задуманного больше было, жертву принесли. Жреца Чернобога, черноризца, пожелавшего свою веру рабскую среди свободных людей исповедовать. Сожгли монаха. А прах по ветру развеяли.

Глава 3

Насадов было четыре, на пятьдесят воев каждый. Кормщики – наилучшие, которых смогли разыскать жрецы храма Святовиды. Когда дружинники приехали в потаённую бухту в десяти верстах от града, то многие удивились увиденному. Да и откуда лесным да степным воинам знать, сколь велики морские суда? Привыкли к долблёнкам-однодеревкам да большим плотам, ежели требовалось груз какой перевезти. Разве что росичи на лодьях набойных⁴ к Торжку-острову ходили, так и то их кораблики что детская тележка перед большим возом. Но когда удивление первое прошло, то освоились воины с кораблями своими быстро. Лодьи уже были снаряжены для похода, но, как издревле славяне говаривали: доверяй, но проверяй. Потому сутки напролёт без роздыха люди вникали в каждую щёлку, вскрывали и проверяли каждый доставленный на борт тук, каждый бочонок. Да и то – шуточное ли дело затеяно? Судьба всех славянских племён, жизнь всех родичей от этого похода зависит. Потому и не ленились, осматривали и проверяли всё самым тщательным и въедливым образом. Даже князья не погнушались в ледяную весеннюю воду нырять, днища осматривать. Хотя можно было корабли и на берег вытащить. Славу и Храбру доверили канаты корабельные осматривать. Замаялись отроки, если честно. Ведь каждую бухту троса надо размотать, проверить, нет ли изъянов на крепкой пеньке, всяких свивов, узелков. Ровна ли нить, крепко ли скручены вертушкой пряди. Дело серьёзное, ответственное, поскольку иной раз от каната жизнь зависит – а ну как в шторм лопнет трос, и понесёт сорванную с якоря лодью на камни? Дружинники, что поопытней, конечно, за ними приглядывали тайком, но не подвели отроки. С честью выдержали испытание. Потом всё заново под палубы грузили. Укладывали, привязывали, крепили на совесть. Ведь поход дальний.

Бочки и меха водой ключевой наполнили. Лес, что на всякий случай, если ремонт в пути делать придётся, на палубы уложили. А утром, едва Ярило край показал, протрубил рог Брячиславов, поход начиная, и ударили вёсла по воде, роняя искрящиеся капли с лопастей. Отроки от незнания подумали, что так весь путь на вёслах и пойдут, но едва от берега отошли с половину версты и корабли на глубокую воду выбрались, так кормщик велел парус вздеть. Скрипнули блоки, затрещали, натягиваясь, снасти, пало белое полотнище со знаком Громовика, разлапистым. Подул ветер лёгкий, попутный, и помчались насады морские по глади морской Варяжского моря. Отойдя на полдня пути от острова Буяна⁵, Путята, идущий на лодье Брячислава, на нос, увенчанный главой конской, взошёл, воздел руки к Ярилу, уже полную силу набравшему, и запел. И вторили ему взрослые мужи, ибо пел жрец хвалу богам славянским, прося их удачу даровать воинам, ищущим спасение и надежду на будущее родам своим. И так же, как и взрослые, подпевали чистыми голосами Храбр и Слав, истинно веруя в лучшее.

Через неделю пути четыре лодьи миновали пролив, покидая родное море. Начинались земли, чужие словенам, где проживали разные дикие племена – германцы, франки, саксы, галлы. Так о них жрец рассказывал. Зверю дикому подобные в этих племенах люди жили. Вроде и железо знают, и огнём пользоваться умеют, но веруют в распятого раба, чистоту телесную и духовную не соблюдают и воюют меж собой постоянно, вместо того чтобы как людям единого языка и племени в мире жить. Дивились небывалому на славянских землях отроки, впрочем, и взрослые тоже. Как же можно, чтобы, скажем, росавич на полянина руку поднял? Да не бывать этому никогда! И не только из-за правды словенской, но и потому, что даже подобное коли случится, так считай, на своего брата родного злоумыслил, родную сестру опозорил, родителей своих из дому выгнал. Вот что такое на сородича руку поднять, войной пойти. А тут... В

⁴ Набойная лодья – лодка с наращёнными-набитыми бортами.

⁵ Он же Руян, Рюген.

порядке вещей, как видно. Когда владыка одного града на другой войной идёт, чтобы получить больше власти, больше денег, рабов, челяди. И не думает даже о том, что убивает своих же земляков и родичей.

Почти неделю обходили берега земель франков. Славянские насады в море, само собой, вороги засекли. Взвились дымные сигналы длинной цепочкой, уходя в глубь вековых лесов. Храбр поинтересовался у кормщика, мол, нападать будут? Рать собирают? Тот ухмыльнулся, ничего не ответил. Но князь вопрос отрока услышал, пояснил: франки, завидев лоды, бегут в страхе от берега дальше в леса, надеются, там их дружинники не найдут. Отрок не поверил, да пришлось. Брючислав решил сделать остановку. На песчаный берег небольшого острова с песнями вытащили насады, осмотрели – остались довольны. Швы не текут, но то и так понятно – днища внутри сухие. Грузы, покрышками сыромятными затянутые, – в целостности и сохранности. Просто народ от плавания долгого подустал, развеяться надо бы. Размять косточки. Заодно и, если повезёт, оружие опробовать в деле.

Огромные русские волкодавы, в одиночку останавливающие матёрого бера⁶, след в лесу, плотно подступающем к воде, взяли сразу. Опустили носы к земле и помчались молча, вои – следом. Собаки у словен умные. Почти как люди. Такой пёс и с ребёнком за няньку побудет, и защитит, если что, и охранит. Словом, бежали собаки хоть и быстро, да с умом, и воин в полной броне за ними поспеть может, не сбивая дыхание. Долго ли, коротко, стали псы как вкопанные. А тут и дымком потянуло. И ещё... смрадом непонятным. То ли человеческим дерьмом, то ли животным. Закрутили носами отроки, а собаки и вовсе улеглись на листву опалую, лапами длинные морды прикрыли. Им-то, с тонким нюхом, вообще немоготу. Князь Гостомысл, поскольку брат его, Брючислав, с лодьями остался, двоих дружинников в розыск отрядил. Те исчезли в густой листве, а остальные вои улеглись на землю, затаились. Да так, что шалый олень из лесу вышел, ногой с острым копытцем Славу на руку чуть не ступил. Тот вовремя ладонь отодвинул. Ждёт дружина воев посланных терпеливо, мошкарку и гнусь лесную от себя отгоняя. Время должное прошло, вновь посланцы у засады появились бесшумно, как приучен каждый воин сызмальства. Подошли к князю, докладывают. Тот их выслушал, взглянул на отроков, усмехнулся, знаком к себе позвал. Ребята перед ним замерли, ждут. А Гостомысл усмехается:

– Пойдёте в деревню, приведёте мне шесть коров. Свежатинки поедим.

Храбр даже не поверил услышанному: как это, пойти вчетвером и привести животину? А ну как там врагов видимо-невидимо? Князь посуровел, голос повысил: приказано – делай. Деваться некуда, старший велел. А Оладья, один из тех, что на розыск ходил, взглядом разрешения у князя испросил, совет даёт: заходите по одному с каждой стороны света. Тогда франки сбежать не смогут. И тоже улыбается. Приказ есть приказ. Делать нечего, пошли отроки. Все четверо. Проверили лишь, легко ли мечи из ножен выходят, да щиты за спины закинули, лёгкие, круглые. Самострелов не брали, старший князь Брючислав не позволил воинам брать дальнобойное оружие.

Деревня была довольно большой. Дворов на тридцать. Только домов отроки не увидели. Полукруглые крыши землянок выдавались горбами из-под земли в небольшой низине. Открылась и причина смрада – на одной из окраин высилась большая куча костей, внутренностей животных, какого-то мусора. В центре деревни сутились. Храбр не поверил своим глазам: и это – люди?! Низкорослые, кривоногие. С длинными нечёсанными спутанными патлами, свисающими ниже плеч. Одеты в рванину непонятного цвета. Ступни обмотаны обрывками шкур, а большинство и вовсе босые. Не разберёшь, где мужчина, где женщина. Только детишек и можно различить – те совсем крохотные. И – голые. Лишь у девчонок срам тряпицами прикрыт. У всех малышей животы вздутые, а ножки – тоненькие и кривые, с распухшими суста-

⁶ Бер – медведь.

вами. Таких среди славян отроду не знали! Железа не видать вовсе. Кое у кого из диких – дубины деревянные, с наростами на концах. Видно, из капа делали...

Меж людей мечется живность – крохотные комки шерсти серого цвета. Только по звонкому бляению можно понять, что это овцы. Такие же тощие и рахитичные, как и сами обитатели деревни. А вон, кажется, то, что здесь называется коровами. Да у славян собаки больше! Невольно губы растянулись в улыбке.

Отрок поправил шелом, обнажил меч и неспешно двинулся в деревню. Его заметили. Поднялся неимоверный вой и визг. Пронзительные голоса женщин слились в один заунывный стон. Дикари засуетились, кое-кто, подхватив свои нелепые дубины и заострённые колья, бросился было на славянского юношу, в одиночку спокойно идущего навстречу врагам. Но тут новый всплеск криков заставил смельчаков остановиться. Дикари завидели и остальных троих отроков. Куда делся их первый храбрый порыв? Мгновение – и вот уже толпа нападающих подаётся назад, к середине деревни, где мечутся в панике остальные жители поселения и скот.

Храбр вошёл в кривую улочку, образованную низкими горбами крыш землянок, и вынужден был приоткрыть рот – дышать носом он не мог, настолько невыносимый смрад стоял вокруг. Чтобы поставить ногу, тоже приходилось глядеть в оба – человеческие экскременты валялись буквально повсюду. А толпа всё сжималась и сжималась, крик становился всё громче, всё пронзительнее... С диким визгом откуда-то из-под ног дикарей вывернулось нечто длинное, худое, горбатое, рванулось навстречу отроку, и тот, совершенно рефлекторно вырвав из ножен клинок, развалил нападающего на него зверя надвое, и лишь потом сообразил, что это была свинья. Блеск мелькнувшего меча, мгновенная смерть животного вызвала неожиданную реакцию со стороны дикарей – на землю полетели колья, дубины, серпы из дерева, и вся толпа повалилась ничком на землю, прикрывая головы. Отрок приблизился – обитатели этого вонючего места лежали не шевелясь. Толкнул одного полузверя ногой, тот мелко-мелко задрожал, а потом вдруг с шумом и вонью обделался. Тоненько заскулил, словно обиженный щенок. Храбру стало противно.

– Слав, выбери коров, и уходим. А то я здесь задохнусь!

Друг прогудел в ответ, не разжимая губ:

– Не ты один!

Два других отрока, Олег и Добрыня, засуетились – они давно признали главенство обоих волчат, тем более что друзья не кичились ни своей силой, ни умением и всегда готовы были прийти на выручку более младшим и слабым товарищам. Быстро выхватили из стада самых упитанных, по здешним меркам, коров, отогнали в сторону. Храбр развернулся и двинулся следом за угоняемым скотом, прислушиваясь, не раздастся ли позади топот ног желающих отобрать у находников кровное. Куда там! Юноши уже перевалили гребень низины и начали углубляться в лес, а жители деревни так и лежали неподвижно. Только за дальностью отдельных голосов было не различить, всё сливалось в один заунывный вой.

– Княже, а худобу так и погоним через лес? – Слав вопросительно посмотрел на улыбающегося Гостомысла.

Тот ответил, ещё бы – дружинник ведь отрок несмышлёный:

– Скотину пока подержим. Сейчас самое интересное будет. Наберись терпения.

И верно – едва взрослые воины ловко замотали тряпицами пасти крошечных коровок, спутали им ноги и завалили в кусты, прикрыв нарезанными ветками орешника, как сторожевые подали знак, прокуковав кукушкой, – началось.

Прежде всего – вой из деревни начал затихать. Через некоторое время оттуда вырвался одинокий всадник и охлупкой⁷, трясясь всем телом, непрерывно колотя кобылу по брюху голыми пятками, куда-то заспешил. Храбр потянул было из-за пояса метательный нож, благо

⁷ Без седла.

посланец должен был проехать в пределах досягаемости броска, но тяжёлая рука старшего воя легла на плечо отрока. Тот обернулся. Дружинник поднёс палец к губам и отрицательно покачал головой. Понятно. Ждать. Гонца – пропустить. Набраться терпения, как князь посоветовал. Спутанные коровы затихли, перестав сопеть и вздыхать. Тощие бока с торчащими через шкуру рёбрами мерно вздымались. Уснули на солнышке, которое уже поднялось к зениту и вовсю жарило почти отвесными лучами.

Вдруг дозорный, сидящий на вершине густой высокой ели, тоненько пискнул, словно придавленная ловушкой белка, и дружинники сразу насторожились – условный знак! Враги на подходе! Князь вскинул руку в латной шипастой рукавице, сжатую в кулак. Махнул вправо – и сразу два десятка воинов потянули из ножен боевые ножи, забросив щиты за спины.

– Твой – справа.

Справа? Отрок не понял, что шепнул ему старший, но послушно повторил то, что делал более опытный воин. Вытащил из засапожных ножен длинный клинок, осторожно, чтобы не выдать себя движением, забросил круглый щит за спину. С шумом и треском кто-то ломился через подлесок в приготовленную засаду. Сердце юноши лихорадочно заколотилось – похоже, сейчас будет сеча. Князь вновь вздел руку, повёл ей немного вверх. Дозорный раскатился дробью дятла. Храбр напрягся – сигнал, что враги уже... вот... сейчас... И верно, из-за ближних стволов могучих дубов вывернулся первый всадник, довольно рослый, почти с самого отрока человек в... Юноша не поверил своим глазам – у того не было доспеха! Какая-то вонючая до невозможности шкура, резкий запах от которой разносился на несколько саженей вокруг, на неё сверху было нашито несколько квадратных пластин из рога. На лошади вояки не было, точно так же, как и у гонца, седла и стремян. Просто спина животного была накрыта скверно выделанным мехом. Вооружён всадник был квадратным щитом из толстых досок, ничем не окованных, а в руке держал толстую суковатую дубину, всю утыканную клыками то ли кабанов, то ли медведей. За ним мчались, насколько это возможно на неосёдланных лошадях, да ещё по довольно густым зарослям, другие воины, вооружённые и одетые куда хуже первого чужака. Кое у кого в руках были вообще каменные топоры.

Вожак аборигенов уже почти поравнялся с отроком, и тот ощутил лёгкий толчок – мол, давай! Рубить такого? Да это же позору не оберёшься! Решение пришло мгновенно – оторвавшись от земли, в прыжке ударил ногой в лоб опешившему от невиданного франку или саксу. Того снесло с клячи, словно бревном. И со всех сторон одновременно на врага бросились славянские дружинники. Схватка была быстротечной. Почти мгновенной. Местные вояки даже не успели воспользоваться своим горе-оружием, как уже лежали на обильно усыпанной палой листвою земле. Кто нещадно скрученный верёвками, кто без сознания. Некоторые подвывали от боли, держась за выбитые из суставов конечности. Но дружинники не получили даже царапин. Гостомысл довольно улыбался – удача на стороне его воинов. Хороший знак! Даже очень хороший! Святовид благоволит задуманному жрецами, значит, прав Прокша-провидец! Трижды прав!

– Вздеть этого. – Князь указал на того вонючку, которого свалил Храбр.

Миг – и вот уже дикарь стоит на коленях с растянутыми руками, привязанными к толстой жерди. Славянин чуть наклонился к пленнику, произнёс несколько слов на неведомом языке. Чужак замотал головой, зачастил, захлёбываясь. Гостомысл слушал, потом перевёл:

– Это – Оттон. Местный князь. Франк. Его усадьба неподалёку. Он готов нам сдать укрепление, если мы пощадим его. Сопровождающие Оттона воины его не волнуют. Деревня, где мы взяли скот, принадлежит также ему.

– Это как понять – принадлежит? – не понял кто-то из воев, и князь пояснил:

– То его рабы. Потому и принадлежит.

– Рабы?!

– Рабы, – повторил князь. Потом скомандовал: – Повязать всех. Кто уже в путах, проверьте получше, чтобы не сразу освободились.

Воины быстро упаковали пленников, прикрутив их за шеи к длинным крепким жердям, а руки связав за спиной. Впрочем, это, наверное, было лишним – низкорослые франки, а самый высокий из них, Оттон, чуть ниже самого младшего из славянских отроков. С ужасом косились на возвышающихся над пленниками на две, а то и три головы, закованных в сталь гигантов, общающихся между собой на неведомом языке. Пленного вождя франков выпихнули вперёд, и тот, понутив голову, послушно повёл захватчиков разорять свой дом.

– Олег, худобу освободи. Пускай к рабам возвращается.

Самый младший из отроков торопливо полоснул ножом по сыромятным ремешкам, спутывавшим ноги угнанных коров, и бросился нагонять остальных. На немой взгляд Слава шепнул:

– Спят. Даже не проснулись.

Отрок улыбнулся – наука воинская, изученная в Арконе, впрок пошла не только ему.

Идущий впереди Оттон вывел дружину из леса, и сразу за деревьями пошла накатанная повозками колея. Пленный франк что-то пробурчал, угрюмо отведя глаза в сторону:

– Он просит не вести его с остальными. Позор воину.

– Позор воину? Он себя воином считает?! – Дружинники возмутились не на шутку: ещё бы – от своих родовичей отказался! Крестьян держит в чёрном теле – у славян собаки лучше живут, чем его рабы! Воинов подчинённых готов на смерть отправить, лишь бы шкуру спасти. И самое главное – не колеблясь ни мгновения, повёл врагов к родным очагам, вместо того чтобы умереть, но не выдать сородичей. Так о какой же чести может речь идти?!

Гостомысл выслушал всех, потом молча обнажил меч, кольнул пленника в грудь, коротко что-то бросил на том же незнакомом языке. Оттон взмолился, но тут уже князь не выдержал, а просто отвесил тому хорошую затрещину. Завизжав, франк торопливо, едва ли не бегом, побежал вперёд.

Небрежно оструганный тын, редкий и худой. Вольга, самый сильный из славян, ради шутки легко выдернул вкопанное кое-как в гребень невысокого песчаного вала бревно. Двухэтажное бревенчатое строение под земляной крышей – обиталище самого Оттона и его семьи – морщинистой, измученной тяжёлой жизнью женщины, моложе самого франка лет на пять, и троих детей – двух мальчишек лет десяти – одиннадцати и дочери, девицы пятнадцати лет с довольно правильными чертами лица, если бы не их острота, отчего в ней проскальзывало нечто птичье. Больше всего дочь франка смахивала на ворону. Причём злую, нахохлившуюся, поскольку на данный момент славяне опытной рукой потрошили погребя и подвалы подворья. Немногочисленных слуг и служанок загнали в сарай, где раньше держали лошадей. Впрочем, славяне не собирались забирать этих скакунов. Даже до усадьбы вождя дружина шла ходким шагом, так как ни один франкский конь не выдержал бы славянского воина в полном доспехе, просто переломившись в хребте. Лошади, как и люди, были низкорослыми и тощими.

Гостомысл откровенно скучал – франк оказался нищий. Единственное – наверняка знает, где здесь ближайший город. Вот там можно чем-нибудь пожить. А здесь... Шкуры мелкие и плохо выделанные. Кислый вонючий эль, в котором неизвестно что плавает, ни один славянин не возьмёт в рот, побрезгует. Тканей нет. Железа нет. Ни золота, ни серебра. Ничего. Всего лишь отроков чуть проверили, да, можно сказать, потренировали. Дружина немного попрактиковалась слаженному бою. Хотя с таким сражением воевать вообще разучиться можно. Ну, не соперники они. Вообще. Народец мелкий, тощий, худой. Может, спросить брата и Путятю? Земля вроде бы хорошая, жирная. Даже непонятно, с чего здесь всё такое мелкое уродилось? Однако Храбра поощрить надобно бы. Молодец парень. Далеко пойдёт.

Князь поднялся с бревна, на котором сидел, лениво обозревая картину грабежа, поманил отрока. Тот послушно замер перед ним.

– Хорошо справился в лесу. Точно попал. Вот тебе награда. У тебя... – Гостомысл прищурился на солнышко, снова взглянул на отрока: – Как коснётся Ярило тех веток, уходим. Управишься?

– Что, княже? – не понял тот.

Младший князь протянул могучую руку, ухватил дочь Оттона за шею, рванул покрывало с головы девицы, толкнул в ноги юноше:

– Забирай. Она твоя.

Та ахнула, поняв без перевода, что сейчас будет. Открыла было рот, чтобы закричать-завизжать, но Храбр спокойно, словно не в первый раз, рванул дочку Оттона за волосы, подымая с земли, затем сунул ей кулак в душу⁸. Пленница задохнулась, а отрок, без всякой натуги забросив лёгкое тело на плечо, понёс её к высившемуся чуть поодаль стожку. Мать девицы что-то умоляюще забормотала, скрестив руки на плоской высохшей груди, рухнула перед славянином на колени, Оттон же лишь отвернулся, это его не касается.

Храбр сбросил практически лишённое веса тело на вкусно пахнущее сено. Девица поползла назад, вжимаясь в плотную стену сухой травы, её огромные глаза, единственное, что было в ней по-настоящему красиво, наполнились слезами. Юноша наклонился, рванул пальцем глухое платье грубой ткани грязно-коричневого цвета. Материя легко поддалась, расплзаясь по нитям основы, обнажая грязное, желтоватое тело. Отрок сплюнул:

– Тьфу, вонючая зараза.

Тощие кривые ноги. Плоская, едва возвышающаяся грудь с большими коричневыми сосками. Впалый голодный живот. Торчащие рёбра. Словно и не хозяйская дочь. Стало просто противно. А девица между тем что-то умоляюще бормотала, её глаза стали ещё больше, и она не отводила их от лица славянина, словно пытаясь выпросить пощаду у жуткого гиганта. Храбр мотнул головой, отступил на шаг, вышел из-за стога, не упуская, впрочем, из виду пленницу, тщетно прикрывающуюся руками, крикнул:

– Княже, дозволь слово молвить?!

Гостомысл отозвался сразу, благо во дворе было тихо – воины делали своё дело бесшумно, передвигаясь привычным пружинистым, лёгким, беззвучным шагом. Пленники же боязливо молчали, боясь обратить на себя недовольство захватчиков. Домашняя скотина, имеющаяся в усадьбе франка, уже перебита. Во всяком случае, та её часть, которую славяне собирались забрать с собой, и туши животных и птиц свалены на пару возов.

– Говори.

– Уж больно тощ да грязен подарок, княже. Прости, что не слушаю твоего приказа, но беззгую я. Её мыть три года прежде надо.

Гостомысл раскатился смехом, развёл руки в стороны:

– Уж прости, франки бань не имеют! Для них вода хуже смерти! Или, может, боишься, что порвётся сия девица под тобой? Мелковата будет?

Дружинники грохнули смехом, кое-кто даже ухватился за животы от хохота. Отрок насутился, но князь махнул рукой, и веселье оборвалось в мгновение ока.

– Чего ржёте, жеребцы стоялые? Правильно парень сделал, что не стал девку портить. Молодец! Брось её, Храбр, пусть своего бога молит за спасение. И вы, жеребцы стоялые, тоже заканчивайте. Уходим.

– Князь? – Рядом с Гостомыслом вырос старший дружинник.

Тот отрицательно мотнул головой:

– Жечь постройку не будем. Рабам только хуже сделаем. Оттона же кончайте. Недостоин он править людьми.

⁸ Душа – солнечное сплетение.

Старший воин кивнул. Молнией сверкнул меч, и франк рухнул на грязную землю, обливаясь кровью из рассечённого черепа.

Скрипнули колёса телег, всхрапнули и недовольно заржали запряжённые в них тощие клячи франков. Слуги с ужасом смотрели на распростёртое в луже крови тело своего бывшего владыки. Захватчики уходили в зловещей тишине.

Глава 4

После сытного завтрака дружинники спихнули лодьи на воду, и вёсла вновь рассекли гладь моря. К обеду Путята-жрец подошёл к Брячиславу, идущему на первом насаде:

– Княже, Оловянные острова.

– Вижу, – коротко ответил тот.

Справа по борту показались в дымке меловые утёсы. Князь кивнул кормчему, тот переложил широкое рулевое весло, и, слегка накреньясь, лодья повернула к отвесным обрывистым берегам. Внезапно вперёдсмотрящий, находящийся на вершине мачты, засвистел, потом крикнул:

– Паруса впереди! Вижу парус! Спускают!

Брячислав задрал голову, крикнул:

– Не потеряешь?!

– Такого-то уroda? – ответил вопросом на вопрос дружинник, и короткое неудовольствие на миг промелькнуло по суровому лицу князя, но он промолчал, просто отдал короткую команду:

– Добавить ходу!

Чаще загрохотало било, отбивающее ритм гребцам. Кормщик задрал голову, и сидящий на мачте воин указал направление. Некоторое время шли молча, кроме ударов била слышался плеск воды в борта да скрип уключин. На лице Брячислава появилась довольная ухмылка – большой грузовой корабль спешил к берегу. Пузатый, неуклюжий, с двумя высокими надстройками-башнями – на носу и на корме. Там гребли изо всех сил, паруса спустили. А вскоре донёсся звук барабана. Задающий темп надсмотрщик был либо неопытный, либо растерялся, хотя вполне возможно, что гребцы на «купце» просто устали от непосильного напряжения. Время от времени одно из вёсел не успевало за остальными, лопасти сталкивались, и корабль сразу терял ход на то мгновение, пока надсмотрщики не восстанавливали порядок. Напротив, четыре славянские лодьи шли ходко. Воины держали постоянный ритм, к которому привыкли за недели пути, а узкие корпуса легко резали воду. Брячислав вздел к небу свой меч. По этому сигналу первая смена, ранее сидевшая на вёслах, уступила места второй, уже облачённой в доспехи, и бросилась надевать снаряжение.

– Стрелки.

Четверо лучших бросилось на нос. Заскрипели могучие луки из турьих рогов, запели тетивы. Резкий хлопок по щитку, прикрывающему руку, оперённая стрела взвилась в небо, провожаемая взглядами. Есть! Вошла глубоко в борт вражьего судна. Но не пробила, хотя рабы на весле перепугались изрядно, даже выронили весло, отчего корабль вновь замедлил ход на несколько мгновений. Дружинники быстро внесли поправку в прицелы и... Первые тулы опустились за считанные мгновения: когда стрелок накладывал на свой лук пятую стрелу, первые четыре ещё шили в воздухе, и смертоносный град обрушился на купеческий корабль. Оттуда донеслись вопли, крики раненых, вёсла с треском столкнулись, «купец» окончательно потерял ход, и через несколько ударов вёсел лодьи настигли его. Взвились в воздух крючья, намертво сцепляя корабли. Ухватившись за канаты, дружинники с рёвом подтянули борта друг к другу. Сухой треск дерева. Звон лопающихся вёсел, которые чужаки просто не могли втянуть внутрь. Грохнуло о борт купеческого корабля славянское весло, и, словно танцуя, лёгким быстрым шагом по нему пробежал Брячислав. Его встречали – воины в металлических коротких доспехах, обнажающих бёдра, с прямоугольными длинными щитами, украшенными массивными умбонами, составили плотную стенку.

– Барра! – непонятный, но явно боевой клич.

Блеск коротких клинков и злых прищуренных глаз из-под шлемов, украшенных перьями.

Князь потянул из ножен второй клинок – римляне. Либо – англы. Как говорили в Арконе, Рим покинул Оловянные острова, раздираемые набегами варваров-кочевников, отозвав оттуда войска на защиту Вечного города. Ну, сейчас выясним... Его мечи взметнулись вверх – правый, готовый ужалить врага в любое место, левый прямо перед собой, наискось. А позади и рядом уже верные дружинники... Выстраивается клин, и воины словно не замечают, что вся палуба завалена тюками и бочками. Они проходят сквозь препятствия. Обманное движение, и острый взгляд замечает, как один из противников кривится от боли, – знатные стрелки в дружине княжеской. И пятна крови на досках. Где же те, кого нашли славянские стрелы? А нашли, похоже, немало! Алые лужи ещё даже не изменили свой цвет. Правда, несколько дорожек уходят к квадратным отверстиям люков. Спустили под палубу? Выпад, отбив. Силён враг, силён! Едва не отсушил руку ответным ударом. Опытный воин. Да не учёл, что сталь на славянских клинках гораздо лучше, чем у него. Вскрикнуло перерубленное железо. Улетел куда-то за борт отсечённый ударом славянского меча клинок вражеского оружия. Но один из стены вдруг выбрасывает руку в жалящем смертельном ударе, и спасают дружинники, сразу тремя мечами пригвождая смертельное жало стены щитов к коже. Вскрик, ибо уже знает враг, что потеряна его рука навсегда. Обрывающийся в клёкоте, ибо из-за спины тех, кто рубится в первых рядах, вдруг выпрыгивают другие, свежие воины, со страшной силой бьют в щиты, разнося стенку солдат. И замечает вдруг князь проклятый символ распятого раба на груди брони своего противника. Мгновенно каменеет лицо Брячислава, звучит страшная команда:

– Никого не щадить! Проклятые!

Лица славян искажаются ненавистью, и мечи вздымаются вверх с утроенной, учетверённой скоростью. Миг – и изрубленные тела защитников торгового судна уже лежат бесформенной грудой на палубе, густо залитой рудой. Воины бросаются в башни-надстройки, выламывают запертые двери. Слышны истошные вопли умирающих, отчаянный визг женщин. Тщетно, дружина не знает пощады. Христиане умирают один за другим, славяне не щадят ни женщин, ни мужчин. Всё. Остались лишь те, кто прикован цепями под досками палубы. Рабы, сидящие на вёслах. Двое воинов спрыгивают вниз, звенят разрушаемые бронзовые цепи. Щурясь от солнечного света, наверху появляются существа... Назвать их людьми у воинов не поворачивается язык. Их рёбра, кажется, сейчас прорвут кожу. Волосы спутаны и грязны, бесформенными клочьями свисают с головы. Многие полностью наги, редко у кого чресла препоясаны куском мешковины. Их глаза слезятся, грудь сотрясается от кашля, рвущего внутренности. Рабы отвыкли от чистого воздуха, находясь всё время под палубой, в вони испражнений и гнили. Кое-кто крестится. Таких берут на заметку, но пока не трогают, просто отводят чуть в сторону от остальных.

Лицо одного из освобождённых вдруг загорается радостью, когда он видит славянские символы на щитах воинов. Силится что-то сказать, но тщетно. Его горло душат спазмы, и тогда бывший раб делает некий жест. Жрец Путята, завидев это, молниеносно перемахивает с кормы насада на борт вражьего корабля, подбегает к освобождённому, не обращая внимания на грязь и вонь, исходящие от несчастного, подхватывает ходячий скелет и, бережно поддерживая под руку, отводит его в сторону. Усаживает, срывает с пояса флягу с водой. Раб жадно пьёт, потом начинает кашлять. Жрец терпеливо ждёт, когда у освобождённого кончится приступ. Наконец тот начинает быстро шептать что-то на ухо Путяте. Шептать, потому что нет сил говорить громко. Славянин выслушивает очень внимательно. Дружинники не на шутку заинтересованы происходящим, не забывая сортировать всё ещё поднимающихся снизу гребцов. Наконец жрец подзывает к себе двух младших отроков:

– Отмыть и одеть. Но пока не кормить. Я сам.

Два молчаливых кивка. Плещет брошенное за борт ведро, набирая воду для мытья освобождённого, а Путята подходит к князю, что-то шепчет ему на ухо. Брячислав кивает и суро-

вым взглядом обводит сбившихся христиан, потом звучит короткая команда, и рабы летят за борт с жалобными воплями.

Небольшой сундучок с золотом, ворох свитков. Куча тюков с тканями, заморские вина из неведомых земель. Тщательно запечатанный ларец с горстью оправленных в серебро костей. Человечьих. Кости – тоже за борт, к ещё барахтающимся там живым врагам. Серебро – в общую казну. Добыча невелика. Ну да и не за ней пришли славяне сюда, к Оловянным берегам. Это так, мимоходом.

– Что с прочими делать, княже?

– Брось их. Выживут – значит, так тому и быть. Проклятых среди них нет, и ладно.

Слав вместе с Храбром суетятся возле спасённого, исполняя приказы жреца. Таскают воду из-за борта, обмывают страшно исхудалое тело. Обрезают длинные грязные волосы. Человек постепенно затихает в их ловких руках, и Путята хмурится, но, пощупав жилу на виске, успокаивается. Заворачивает спасённого в чистую шкуру, относит на нос своего судна. Лодьи отцепляются от пузатого, уже выпотрошенного судна, ударяет чистым голосом било, и четыре корабля ложатся на прежний курс. Жрец присаживается рядом с завернутым в шкуру человеком, на лице которого написано неземное блаженство, и они вполголоса начинают беседу.

Через какое-то время поднялся Путята, прошёл на корму, к князю. Отроки, как и велено, за спасённым приглядывают. Человек как человек. Лишь полосы у него на щеках. Непонятные. Словно бы в узоры складываются. Треугольники. Спирали. Квадраты. Чужак глянул на славян острым на удивление взглядом, но слова не молвил ни единого. Просто молча лежит. Набирается сил. Отдыхает. А тем временем насады начали курс менять. Огибают Оловянные острова. Уходят южнее, вдоль белеющих меловых скал. Весь день шли под парусом. По правому борту тоже земля показалась. Чужак её как увидел, заволновался. Одно слово вымолвил, да худой, словно у скелета, рукой, из-под шкуры выпростав, на второй остров указал: «Эрин». Знамо, так та земля называется.

На ночёвку к берегу не приставали. Остановились на глубокой воде, выбросив за борт плавучие якоря – запасные мачты, связав их тросом. Да сторожевых поставили вдвое больше против обычного. А поутру, едва рассвело и через туман утренний воду рассмотреть с бортов можно стало, дальше тронулись. Роса обильно покрыла всё, но вскоре ветерок высушил влагу, хотя одежда ещё долго волглой была. И так два дня. Питались, разводя муку водой, делая болтушку. Мясо вяленое грызли. Так и перебивались, благо воды пресной вдосталь с собой ещё у франков набрали. Шли в тишине. Князя строго-настрого запретили лишние разговоры, и обычных шуток и подначек слышно не было. Словно тревожились о чём-то братья-вожди. Опасались.

На третий день Брячислав на берег взглянул, подозвал к себе Путяту. Тот тоже долго в зелёные берега всматривался, потом к чужаку пошёл. Опять о чём-то беседовали, отроки ни слова из того языка, на котором речи велись, не поняли. Но, видно, жрец наречие неведомое прекрасно знал, потому что вернулся на корму к князю, что-то тому нашептал на ухо. Брячислав кивнул и отдал команду пристать к берегу. Подходящее место нашлось не сразу. Уж больно берега обрывисты были. Но потом отыскалась бухточка. Пятерых воев отправили на утёсы, что вплотную окружили небольшой песчаный пляж, в дозор. Остальные на берег сошли. И чужак с ними. За время, что на славянской лодье был, он в себя пришёл, немного окреп.

Путята между делом поведал отрокам, что сей чужанин – брат по вере славянской. Друид. А корабль тот – каторгой римской был. А чужанина солдаты римские отловили за Стеной, и служки обрезанного иудея поначалу хотели чужого жреца живьём сжечь, да, видимо, заступились старые боги, и отправили того всего лишь на каторгу, гребцом на корабль, где тот три года веслом ворочал. Подивились отроки лютости ромейской. На заметку взяли. Запомнили накрепко. Пытались расспросить чужака о вере в обрезанного, но тот по-славянски слова не разумеет, а они его наречие не знают. Так что неудача их постигла. А жаль.

Сутки дружина в той бухте лагерем стояла. Сушилась, ела горячее. А на второй день сторожевые сигнал подали – гости пожаловали.

Храбр и Слав с удивлением смотрели на старцев в белых одеждах, украшенных цветочными гирляндами и с посохами с растущими из тех веточками. Они вышли из дубравы, виднеющейся вдаль, и неспешной походкой, но удивительно быстро подошли к дозорным. Те, предупреждённые заранее, препятствий пришедшим не чинили. Напротив, едва увидели, как старцы из лесу выходят, тут же послали сигнальную стрелу. И когда чужинцы к бухте, где дружина лагерем стояла, подошли, одетых в белые одежды встречали оба князя славянских, Путята-жрец да спасённый славянами чужак. При виде своих родичей последний склонил голову перед ними, потом на колени опустился, и каждый из пришедших коснулся правой рукой головы спасённого, что-то произнося на своём языке. Потом лишь к князьям подошли, но уже все вместе, поприветствовали друг друга, как равные. Правда, каждый по-своему. Но не чужаки князьям кланялись, а князья перед ними головы гордые склонили.

– ...Значит, Арторус и Мирддин перешли Стену?

Старший из друидов, которого кроме посоха отличал ещё и висящий на поясе небольшой золотой серп, кивнул. Гостомысл переглянулся с братом, затем вновь задал вопрос:

– И помогают им в этом жрецы распятого раба?

– Проклятые богами основали своё поселение неподалёку отсюда. В дне пути ваших кораблей. Аллоэль, холм предков, осквернён этими исчадиями богов тьмы! Священные рощи они сводят на то, чтобы построить капища своему проклятому истинными. Воины, сопровождающие нелюдей, ловят наших братьев и сестёр, заставляют их пытками отречься от старых богов, а затем делают рабами. Строят заставы, прокладывают новые дороги. И повсюду – смерть! Людей жгут живьём, распинают на символах иудея, топят. Им отрубают конечности. Воистину, невозможно представить, что творят с народом жрецы распятого! И мы молим наших братьев о помощи – изгнать проклятых богами! Освободить народ от чужой нам веры!

Князья снова переглянулись между собой, и на этот раз ответил Брячислав, задумчиво потерев ладонью тщательно выбритый подбородок:

– Мы не торговцы, но знаем твёрдо одну истину: ничего не даётся просто так. Что мы получим взамен?

Друиды поскущели. Потом старший из них нехотя выплюнул:

– Мы дадим вам золото...

Гостомысл вскинул ладонь, останавливая говорящего:

– Не оскорбляй нас, друид!

Один из пришедших, что помоложе, вскинулся:

– Вы сами завели речь об оплате!

– Речь не о плате. Мы поможем вам. А вы помогите взамен нам...

Старший друид ударил посохом по земле:

– И чем же мы можем помочь?

– Знанием. Поделишься, жрец?

– Знанием? – Он взглянул из-под мохнатых седых бровей так, словно хотел испепелить пришельца с берегов Роси, но князь стойко выдержал взгляд.

Путята наклонился к уху князя, что-то зашептал, но Брячислав отмахнулся:

– Потом, жрец.

И тот отпрянул. Славянин слегка усмехнулся, дёрнув длинным усом:

– Ведомо ли вам, почтенные, есть ли какие вольные земли после ваших островов?

Старший из друидов чётко ответил:

– Нет. Мы не можем дать ответ на твой вопрос.

– Не можете... Потому, что не знаете, или потому, что не хотите?

Старик тряхнул посохом и так же твёрдо произнёс:

– Ты можешь отказаться помогать нам, славянин, и сотни наших братьев погибнут. Но мы... не хотим отвечать. Понимай как знаешь.

Брячислав молчал, и Слав ощутил, как вокруг князя сгущается нечто... тёмное... Ему даже стало не по себе. Наконец тот ответил:

– Пусть будет так, друид. Не хочешь – не надо. Тогда дай нам проводника.

– Зачем?

– Кто-то же должен показать нам путь к капищу проклятого?

На лице старика появилось облегчение, а остальные жрецы сразу зашевелились, стали негромко переговариваться на своём языке.

– Он поведёт вас.

Поднялся довольно молодой, но уже имеющий серебряный серп на поясе мужчина, слегка поклонился, потом вновь уселся на траву, а старший продолжил:

– Знает ваш язык. Немного, но достаточно, чтобы объясниться.

– Хорошо.

– Когда вы отправитесь в путь?

Брячислав нагнулся к Гостомыслу, перемолвился короткими фразами, вновь распрямился:

– Утром следующего дня, жрец.

– Пусть будет так. Лаэль будет на берегу утром.

Все друиды молча поднялись, поклонились и ушли по тропе наверх. Двое повели спасённого дружинниками чужака. Брячислав с облегчением вздохнул, потянулся:

– Они меня утомили.

– Да, брат. Меня тоже.

– Однако хитрецы! Желают нашими руками таскать каштаны из огня! Вы проливайте свою кровь, но мы вам ничего не скажем!

– Ха! Ты думаешь, они что-то знают на самом деле?

– А разве нет? – Гостомысл удивлённо взглянул на старшего брата.

Тот погладил длинный оселедец на выбритой голове.

– Нет. Поэтому друид и не стал говорить. Он просто не знает. А показать незнание для него несмыслимый позор. Так-то, брат!

Второй князь покачал головой:

– Вот же... Раз так...

– Тут вот что, брат... Я слышал об этом капище. Год назад на арконском торжище один из торговых гостей хвалился, будто бы монах из этого капища вернулся с Зелёных островов, где основал поселение.

– Зелёные острова? Но это же Эрин!

– Не Эрин. Он отплыл в ту сторону, напротив которой встаёт Ярило. И там спустя недели пути нашёл землю, где из земли бьют горячие ключи кипятка и множество дымов пробивает себе путь наверх. Перезимовав там, двинулся дальше, поскольку стаи птиц летели в ту сторону осенью и возвращались весной жирными и откормленными. Подумав, сей жрец проклятого рассудил вполне здраво, что там, куда улетаются птицы, есть иная земля. Обильная и сытная, раз твари зимуют в тех местах.

– И друиды...

– Они – не друиды. Может, один или два из них. Остальные – просто... – Старший князь махнул рукой в отвращении и, заметив, что отроки смотрят на него удивлёнными глазами, рассвирепел не на шутку:

– Бездельничаете?! Оружие проверили?! Доспехи почистили?! Десять кругов вдоль бухты туда и назад в полной броне! Завтра в бой, а вы ворон ловите!

Делать нечего, пришлось торопливо доставать из мешков доспехи, надевать их, а потом бежать по вязкому мокрому песку. Хвала богам, что бухта не слишком велика. Все четыре насады практически полностью её заняли. Но всё равно, попотели. Потом чистили брони, проверяли тулы со стрелами, словом, улеглись отроки, уже когда давно стемнело...

– Слав, спишь?

Тот сонным голосом ответил:

– Нет ещё...

Храбр подполз поближе, накрыл голову обоих шкурой, едва слышно прошептал:

– Как думаешь, зачем нам вольные земли?

– Не знаю. Прости, но я спать хочу. Давай после капища поганого поговорим, хорошо?

Друг обиделся, откатился в сторону. Впрочем, досталось и ему, так что буквально через пару вздохов он уже провалился в глубокий, но чуткий сон.

Разбудили отроков рано. Ещё было темно, но костры, разведённые в выкопанных в песке ямах, уже горели вовсю, и запах горячей каши щекотал ноздри. Быстрое умывание и завтрак.

– А ты друида видел?

– Не-а...

– Так вон же он! С Путяттой стоит!

Старый друид был не в белых одеждах, в которых являлся накануне, а в коричневом длиннополом одеянии. Впрочем, посох и серп у пояса оставались у него по-прежнему...

– Точно...

– Пошевеливайтесь, отроки! Нечего лясы точить!

И юноши с утроенной скоростью заработали деревянными ложками. Потом посуду за собой помыть, помочь дежурным вымыть котлы. Под дружные выкрики насады стронулись с места и закачались на воде. Воины заспешили на их палубы, занимали свои места. Друид взойшёл на корабль Брячислава, и отроки довольно переглянулись между собой – может, выйдет момент и можно будет переговорить с чужином? Узнать о землях, мимо которых плывут лодьи, что за такая проклятая богами вера в распятого, или проклятого истинными богами. И что такое вообще этот раб...

– Гой-да!

Гулко в рассветном тумане ударило било, вёсла легли на воду, выводя насады из бухты. Ещё удар, и ещё... Острые носы легко резали чёрно-синюю гладь, вздымая белопенные усы.

Друид торчал на корме, и отроки даже обиделись – вот, не поговорить. Не узнать...

Глава 5

Монастырь находился в большой ложбине, между невысоких плоских холмов, густо поросших ельником. Дружинники, оставив два десятка охраны лодий, вытщенных на берег, затаились, ожидая вестей от посланных к строениям капища распятого раба разведчиков. Те вернулись ещё затемно. В монастыре, судя по хлопотам, готовились к какому-то празднеству. Услышав об этом, друид долго морщил лоб, потом, пожав плечами, поведал, что вроде бы у проклятых ничего такого особого не должно быть. Может, прибыл какой-то важный гость? Братья-князья задумались над вестью – не хотелось бы ввязываться в тяжёлую сечу. Ромеи – умелые бойцы, известные по всей обитаемой земле. И случись с ними схлестнуться, потери среди воинов неизбежны. А у них каждый меч на счету. Впрочем, этот монастырь – единственное место, где могут знать о землях за Оловянными островами. Так что хочешь не хочешь, а штурмовать придётся. Хотя стены невысоки, да и само капище невелико. Монахов – человек пятьдесят самое большее. Ну а если кто приехал из-за Стены, то вряд ли с ним большая дружина. Да и на морской каторге хвалёных римских солдат побили на удивление быстро. Может, и слава знаменитых легионов дутая? Приказ прозвучал, и, крадучись, дружинники двинулись к сложенным из дикого камня стенам... Славянские воины сызмальства учились искусству скрадывания⁹. Русский воин умел проползти под носом у дикого зверя так, что тот и ухом не поводит. Могли почесать шею пьющего воду оленя, просочиться через густой кустарник, не шевельнув ветки с росой. Так что через некоторое время, когда в монастыре ударили в колокол, возвещая к утренней молитве, сто пятьдесят воинов дружины уже замерли под стеной, ожидая сигнала князей. Но Брячислав медлил, и вскоре стало ясно почему: под бормотание молитв монахи, облачённые в грубые грязные вонючие рубища, потянулись в самое высокое строение посередине монастыря, увенчанное крестом. Через короткое время почти все они, за исключением пары послушников, отличающихся от прочих одеждой, собрались там, и только тогда старший князь дал команду. В один миг взметнулись в воздух арканы, ухватив своими петлями зубцы стены, и дружинники, споро перебирая руками, в мгновение ока оказались во дворе. С силой пущенное копье ударило не ко времени вышедшего служку в затылок, погрузив его навсегда в глубокий сон без сновидений. И, бесшумно приземлившись на полусогнутые ноги, воины быстро оцепили все строения, подперев ворота молельни кстати валяющимися кольями. Затем началась проверка всех помещений. Монахи по-прежнему заунывно тянули свои молебны, ещё не зная, что уже не они хозяева этого места. С найденными в монастыре очень немногими людьми покончили в мгновение ока. Да и что могли те против лучших из лучших? Ничего. Короткий взмах меча, а то и удар голой рукой – и вот уже бездыханное тело распластывается там, где его застигла смерть.

К ногам князей бросили перепуганного полуодетого мужчину средних лет, непрерывно бормочущего нечто вроде «Брендан, Брендан». Брячислав толкнул Путятю:

– Чего он?

Жрец прислушался, потом спросил мужичка на той самой квакающей молве, на которой общался со спасённым с каторги чужаком. Мужик ответил. Путята переспросил. И пленный повторил вновь то же самое. На лице жреца появилась улыбка.

– Повезло нам, княже, неслыханно...

– С чего бы это?

– Так вот он... – молодой мужчина указал на пленника, – и есть тот самый Брендан, который намерен вернуться из своего путешествия.

⁹ Здесь: маскировки.

– Ха, мореплаватель, говоришь? И на чём он ходит? На своих кожаных корачах? Не смеши.

Но улыбка жреца стала ещё шире.

– Сей Брендан ходил семь лет по морям за Оловянными островами. И именно он открыл земли с кипящей водой и Зелёные острова, князь.

– Что?! – Глаза Брячислава расширились, и князь медленно произнёс: – Спроси его, может ли он показать дорогу туда?

Путята проквашал сказанное на латыни, и монах часто-часто закивал. Гостомысл взглянул на брата и, получив от того немое согласие, сказал:

– Скажи монаху, что мы сохраним ему жизнь, если он покажет нам путь в те места. Не обманет – будет жить. Если солгал – рыб в море кормить будет.

Жрец вновь перевёл славянские слова, и Брендан снова закивал, заколотил себя в грудь, забормотал. Брячислав махнул рукой:

– Уведите его, и стеречь как зеницу ока.

Двое дружинников вывели пленного через уже давно распахнутые настежь ворота.

– А с прочими что делать, княже?

Старший воин показал на церковь, из которой по-прежнему доносилось заунывное пение, и Гостомысл зловеще усмехнулся:

– Друиды поведали мне, что сии служители обожают жечь тех, кто не верует в их Бога, живьём на кострах. Так поджарьте их тоже.

Без лишних слов воины принялись за дело: они снесли к стенам строения дрова из больших полениц, вытащили из келий мебель, подтянули деревянные телеги, в обилии стоящие под навесами. Между тем монахи внутри спохватились – молитва давно закончилась, но попытка выйти из церкви не удалась. Поднявшись же на звонницу, они в ужасе обнаружили, что двор полон суетящимися воинами в неведомом им вооружении и одеждах, надеясь, что это просто грабители и, сохранив жизнь обитателям монастыря, скоро уйдут. А славяне, уже подкатив пару бочек с маслом, найденным в поварне, ловко вышибли их днища и ведрами обильно полили дерево, покрывающее церковь до середины стен. Путята высек огонь, запалив факел, и медленно произнёс нараспев:

– Истинным богам приносим в жертву нечестивцев, поклоняющихся проклятому истинными богами.

Широко размахнулся, и, прочертив короткую дымную дугу, факел упал на груды дров. Миг – и первый, ещё робкий огонёк пробежал по расколотому вдоль бревну. Другой жадно, с рёвом набросился на обильную пищу, вкусно приправленную маслом. Высокое пламя с гулом взметнулось ввысь с такой жадностью, что затрепали волосы от жара у тех, кто стоял ближе всех. Вопль ужаса донёсся изнутри церкви, но голос огня был громче. Спустя некоторое время строение превратилось в вулкан, извергающий из себя обломки камня, лопающегося от неимоверного жара. А крики сгорающих заживо монахов стихли почти мгновенно.

Друид с сердитым видом подошёл к князю и плюнул ему под ноги:

– Легко ты отпустил их, князь!

Брячислав, при этом действии чужака схватившись за меч, с усилием разжал пальцы, сузив глаза, и медленно процедил:

– Ты, жрец, оказывается, и на нашем языке говорить умеешь?.. И это, по-твоему, легко?

Тот упрямо повторил:

– Легко. Видел бы ты, что они творили здесь по округе... – Отвернулся и услышал голос князя:

– Росичи наслаждения в чужих муках не ищут и не видят. Запомни это, друид, и передай своим. – Спустя мгновение послышалась команда: – Возвращаемся!

Плотный строй дружинников покинул чадающие, жутко воняющие горелым мясом развалины церкви и вышел за ворота бывшего монастыря. В середине вели пленного монаха, накинув ему верёвку на шею и скрутив руки за спиной. Князь знаком поманил к себе Храбра и Слава и, вручив им конец пут, сурово бросил:

– Головой отвечаете.

Оба отрока вытянулись, ударили себя кулаками в грудь, кивнули.

Первые вёрсты пути прошли спокойно. Пыльная дорога, белая трава по её краям. Кто-то из воинов нагнулся, на ходу сорвал пучок, понюхал, скривился, выбросил, пояснив товарищам:

– Вроде с виду сочная, а горечью отдаёт. На такой хороший скот не вырастишь.

Монах торопливо перебирал босыми ногами, стараясь не отставать от идущих ровным воинским шагом воинов, не переставая что-то шептать себе под нос. Прислушавшись, Храбр уловил: «Домине, Амен, Езус Крайст» и другую тарабарщину. Махнул рукой другу:

– Похоже, проклятому молится.

Тот сурово взглянул на съевшегося от такого взгляда пленника, бросил:

– Он ему теперь не поможет.

Дружинники перевалили холм и вдруг встали как вкопанные – в низине так же замер воинский строй.

– Ромеи!

Плотные ряды продолговатых прямоугольных щитов, уже виденные славянами ранее, на плавучей каторге, ошетились рядами копий. Надо отдать должное выучке противника – они сбили коробку буквально за мгновения. Непривычного вида шлемы с гребнями, с ремнями, доспехи и голые ноги. Но в этот раз им противостояли не полуголые пикеты, а настоящие воины, с ног до головы закованные в сталь и железо. Раз – и самые сильные и опытные продвигаются в передние шеренги. Два – монаха и отроков задвигают в глубину строя. Три – ряды дружинников перестраиваются в клин. Так же, как и у римлян, сталкиваются с треском ростовые щиты и выстраивают стену, зло ошетинившуюся копьями. Но есть и различие – щиты славян прикрывают воинов почти с ног до головы, а копьё держат товарищи щитоносцев, готовые орудовать ими обеими руками. Да и оружие у них длиннее римского. Но и это не всё – в отличие от римского неполного легиона из шести манипул славяне бьются тройками – копьеносец, щитноша и секиробоец – боец, вооружённый двуручной широколезвийной секирой на длинной, окованной металлом рукояти. И всё это одновременно со всеми. Каждая тройка – звено одной стены – дружины.

Свистнула свирель в руках Путяты-жреца, и по её звуку все одновременно сделали первый шаг. Брячислав вскинул руку, и из-за стены щитов ударил стальной дождь. Лучшие из лучших принялись за работу. Тяжёлую, страдную воинскую работу. Пять смертей в воздухе. Шестая – на тетиве. Попасть в глаз оленю с трёхсот шагов – для них детская забава.

– Барра! – разнёсся уже знакомый славянам крик снизу, от ромейского строя.

Голоногие переходят на быстрый шаг. У них бьёт барабан. Хрипло вскрикивает невиданная доселе труба, опоясывающая трубача, и затихает, издав непонятный звук, – меткая стрела жалит музыканта в шею, пробивает её, заставив несчастного захлебнуться своей кровью и выплеснуть её окровавленными губами в буксин. Спустя мгновение падает барабанщик – стрелки славян бьют метко и зло. Щиты моментально обрастают жуткой щетиной, мешая воинам. Но через мгновение славянские стрелки меняют прицел, и на этот раз противнику приходится гораздо хуже – стальные острия находят щели в сплошной стене, прошивают поножи, валя солдат на землю, проскакивают в узкую полоску между шлемом и краем щита. Легион тем не менее атакует, теряя одного за другим своих солдат. Строй взбирается на холм по узкой дороге, оставляя за собой холмики тел и уменьшаясь на глазах. Монах замер, скрестив связанные руки на груди, а Храбр толкнул Слава:

– Выдержат?!

Выдержали. Добрались до выстроившейся стенки боевых троек, благо столкнулись нос к носу – разделяло римлян и дружину меньше сотни сажений. Так что лучники били по сути в упор. С грохотом и треском сошлись щиты, слышались злые короткие выкрики римских командиров, и... лопнул один вражеский щит, другой... Узкое четырёхгранное лезвие пробивает вязкий дуб, обтянутый толстой кожей. Секиробойцы, пользуясь своим ростом, благо все ромеи ниже славян на голову, а то и больше, с отяжкой, на выдохе обрушивают на солдат своё жуткое оружие, разваливая тела на части. Не помогают и доспехи. Щитonosцы утыкают низ своих больших миндалевидных щитов в землю, упираются в него ступнёй – всё, они – скала, которую не сдвинуть никому. И сказывается длина славянских копий, отбрасывающих врага, не дающая сойтись вплотную.

Иступлённые крики обозлённых римлян, команды их командиров. Все силы брошены на то, чтобы проломить эту неуязвимую стену из высоченных щитов алого цвета, чтобы дотянуться до врага, поразить его мечом, на худой конец вцепиться зубами в горло. Тщетно. Эти неведомые гиганты стоят нерушимо. Кажется, они не люди, а могучие титаны из древних легенд, восставшие против богов. Удар огромного топора, который не в силах удержать обычный человек, разбивает щит вдребезги, отсекает не только руку, держащую щит, но и разваливает самого воина надвое, до самой земли. А товарищ гиганта страхует – защищает от других врагов, щитonosец ловко орудует неподъёмным для ромея щитом, и в сердце солдата невольно закрадывается страх. И пропадает неведомо куда боевой пыл, становится тяжелее орудовать коротким солдатским мечом, выпадает из руки сарисса...

Стихают команды командиров, легионеры дерутся уже не столько для того, чтобы уничтожить неизвестных варваров, сколько чтобы сохранить свою жизнь. В запале схватки они не замечают, что их противник уже перестраивается. Края алой стены дружины выплёскивают два языка, охватывающие быстро редешую манипулу, которую неумолимо перемалывают секироносцы и лучники. Громкий, нечеловеческий рык из глубины славянского строя, и... Удар щитом, не таким массивным, как у тех, кто прикрывает своих товарищей, но при славянской силушке и его достаточно. Легионер катится по земле, а длинный прямой клинок рассекает его тело, словно и нет кожаных, густо проклёпанных медью доспехов. Булат против кожи. Сталь против меди. Сила против слабости...

Снова рык, и остатки манипулы почти мгновенно растворяются среди тусклых, крашенных в коричневый и чёрный цвет доспехов. Славяне не любят блестящее, сияющее золотом и серебром оружие. Случайный солнечный зайчик может выдать воинов врагу задолго до того, как человеческий глаз различит противников. Лишь лезвия мечей сияют чистотой и невиданным прежде рисунком булатной стали. И крошит славянское оружие солдат распятого, проклятого истинными богами.

Короткий хриплый вскрик. Ещё один... Воин выпрямился над телом, махнул рукой:

– Княже, мы закончили!

– Идём дальше.

Снова выстраивается коробка строя. Дружина двигается дальше, оставив за собой горы трупов. Раненых римлян добились. Ни к чему раньше времени поклоняющимся распятому знать о том, что славянские воины появились на Оловянных островах. Храбр потянул верёвку, привязанную к шее пленника:

– Эй, поднимайся. Пошли!

Тот, видимо, понял по смыслу, что делать. Поднялся с колен, как его поставили в самом начале сечи, прикрыв своими щитами, отроки. Как-никак – ответственность за жизнь сего чужака на них. Сам князь доверил! И оправдать это доверие нужно даже ценой собственной жизни. Только старшие отроков в бой не пустили. Раньше – да. Так то и не противники были дружинникам. А в этот раз всё серьёзно. Настоящая битва. Да и врагов больше, чем славян. Хорошо, что лучников у ромеев не было. Ну и... мелковаты они против наших-то... То ли недо-

кормлены сизмальства, то ли народ такой низкорослый испокон веков. Сами отроки повыше иных солдат были. Впрочем, недолго им уже в отроках ходить. Ещё две весны – и станут взрослыми...

Вот и бухта, в которой ждут лоды. И вдруг вновь останавливается дружина. Князя проталкиваются вперёд – перед небольшим строем воинов, оставшихся сторожить насады, собралась огромная толпа полуголых низкорослых людей, одетых в шкуры, а то и вообще без них, в одних набедренных кожаных фартуках. У всех раскрашены разными знаками лица. В руках – луки, дубины, копья. Оружие, впрочем, худое. Наконечники у кого каменные, у кого вообще костяные. Редко у кого медные или бронзовые. Железных так и вовсе, почитай, нет. Что-то орут, то ли оскорбляют, то ли просят – их речь неведома. Перед толпой – одетые в свои белые одежды друиды. Слав тридцать душ насчитал. С посохами ветвистыми, с серпами на поясах. Увидели выходящую на берег остальную дружину славянскую – притихли. Но как различили монаха на вервии, словно взорвались. Заорали бешено, затрясли своим жалким оружием, а друиды вперёд подались. Правда, старший из них обернулся, знак какой-то сделал, и весь ор словно обрезало. Тишина угрюмая воцарилась на берегу. Подошли ближе к славянам, остановились перед князьями:

– Отдайте нам монаха!

Гостомысл вперёд шагнул:

– Нет.

Старший из друидов с нажимом повторил:

– Отдайте! Вы обещали! Ни один из служителей проклятого живым не уйдёт!

Брячислав отодвинул брата:

– Обещали. И слово своё сдержали. В отличие от вас. Все поклоняющиеся распятому мертвы.

Друид посох вскинул, указал на сжавшегося Брендана, отроки шагнули вперёд, вскинули щиты, прикрывая пленника.

– Этот жив!

– Мы обещали ему жизнь, если сей служитель проведёт нас на Зелёную землю. Слово сказано.

– Ты тоже обещал нам его жизнь!

Брячислав насупился, взглянул сурово из-под густых бровей, повторил:

– Слово, данное обманщику, силы не имеет.

– Что?!

Друид даже отшатнулся, сделал движение, словно хотел обернуться, да не успел – князь продолжил речь:

– Тогда скажи, зачем натравил на нас ромейских солдат?

И... осёкся друид. Молвил потрясённо:

– Откуда ты знаешь?!

Скривились губы Гостомысла в недоброй ухмылке.

– Ромеи лежат в пяти верстах отсюда. Ворон кормят. Мы же не потеряли ни одного воина. Так что не рассчитали вы нашей силы. А вздумаете этих дикарей натравить... – Снова ухмыльнулся, слегка вытянул меч из ножен, пустил зайчика в глаза друиду. Тот отшатнулся от неожиданности, а князь добавил: – Как думаешь, друид, сколько твоих пиктов уцелеет, если схлестнёмся? Лучше разойдёмся по-хорошему. Мы уйдём. Монах с нами уйдёт. Здесь не останется. Так что, получается, мы слово своё сдержим, в отличие от вас, служителей проклятого истинными на вашей земле не останется. Договорились?

Скривился друид, будто полыни наелся, да деваться некуда – сам себя и сдал со всеми потрохами. Молвил, будто выплюнул:

– Пусть так и будет. Но отныне мы враги.

Брячислав спокойно, даже лениво припечатал:

– Пусть так и будет. Враги. Но пока от берега не отчалим – друзья.

Как же не хотелось друиду эти слова говорить, да деваться некуда:

– Друзья... – Глянул на солнышко красное, опять выплюнул слова из губ своих: – Времени у вас – пока солнце вершины большого дуба не коснётся. – Показал рукой какого.

Князя глянули, кивнули... Монаха сразу вниз, под палубу запихнули. И отроков с ним до кучи. Через борта деревянные только крики слышались:

– И – раз! И – раз!

Колыхнулась лодья, затем ещё раз. Потом, чувствуется, заскользила по водам морским. Замерла на месте. Заскрипели доски палубы. Затопали ноги воинов. Храбр со Славом оба словно струна на гусях – а ну как послышится звон металла, крики нападающих? Но пока тишина. Пискнули уключины, замолкли. Лишь по первому гребку они звуки издают, а потом тихо работают. Качнулась вновь лодья. Двинулась, видимо. Тут Слав Храбра в бок толкнул:

– Глянь!

Друг посмотрел и рот открыл от изумления – монах пленный руками связанными доски у лоды гладит, швы шупает, и лицо у пленника такое изумлённое. Потом даже зависть проявилась. Вздыхнул Брендан, потом что-то грустно произнёс, ни к кому не обращаясь, и сел прямо на киль, проходящий понизу, обхватил ладонями спутанными нечёсаную голову с выбритой макушкой и опять про себя забормотал непонятно что...

Долго ли, коротко ли, крышка люка откинулась, Путята вниз заглянул, весело произнёс:

– Всё, вылезайте. И этого с собой тащите. Можете с него путы снять.

Слав кивнул, нож вытащил из ножен, к монаху подошёл. А тот тоскливо на отрока глянул и подбородок задрал, мол, режь ему горло. Удивился славянин такому, даже жалко мужчину стало, но виду не подал. Разрезал верёвки, запястья пленника стягивающие. Благо не своя, из дому. В том монастыре и нашли. Славянскую-то распутал бы бережно, вновь в мешок уложил – пригодится. А эта – неровная, суковатая, как говорится. Только на выброс... Монах удивился, что-то спросил, но парнишка отрицательно покачал головой: мол, извини, не понимаю... Вымахнул наружу, спустил вниз руку – цепляйся. Брендан сообразил. Ухватился, да Храбр снизу подсадил. Вытащили общими усилиями. А Слав удивился – ладонь у этого служки твёрдая, в мозолях. Как у воина... Или гребца...

Друг тоже наружу выбрался. Люк плотно на место вставили, а Путята смотрит на монаха, улыбается:

– Так, орлы, быстренько водички взяли, вымыли его. А то пахнет. – Покрутил носом, шагнул назад, добавил: – И побыстрее. Братья с сим служкой потолковать хотят...

Глава 6

С мытьём пришлось повозиться. Оба отрока поначалу даже решили, что пленник вообще никогда тело не омывал, тем более что реакция монаха на первое вылитое на него ведро воды была поразительной. Брендан рухнул на колени и прикрыл голову руками, затем затрясся и стал громко читать свои заклинания. Правда, потом, когда Храбр, преодолевая отвращение, намылил ему голову, а Слав стал оттирать жёсткой мочалкой из конского волоса худое, но жилистое тело, немного успокоился. Увидя, что ирландец пришёл в себя, юноши сунули ему банные принадлежности, знаками кое-как показав: мол, дальше сам. Правда, с водой пришлось всё же помочь, и монах стал шумно отфыркиваться и довольно охать. Закончив мытьё, что-то произнёс, обращаясь к обоим славянам, и по интонациям было понятно, что это – благодарность. Отроки кивнули в ответ.

Увидев, что поручение выполнено, вновь явился Путята и забрал монаха с собой, на корму, где возле кормщика стоял князь. Было видно, что завязалась оживлённая беседа. Жрец спрашивал, потом перетолмачивал на славянский язык. Князь задавал вопросы, пленник, выслушав перевод, отвечал. Несколько раз оба собеседника, поскольку пленником монаха просто было уже не назвать, настолько он естественно, без всякого испуга вёл себя с Брячиславом, переспрашивали друг друга, не в силах поверить услышанному. Но Путята подтверждал сказанное, и опять оба – и монах, и князь – уверялись в истинности слов друг друга. Жаль, слышать разговор было нельзя, но отроки набрались терпения – князь у них добрый человек. Нужно будет – всем расскажет.

Тут Путята отошёл к своим мешкам, покопался в них и вытащил небольшой ларец. Извлёк оттуда миску, крохотную детскую лодочку и небольшую бутылочку жидкого масла. Налил его в миску, очень осторожно опустил в жидкость игрушку. Та некоторое время колебалась, но вскоре успокоилась, застыв в одном положении. Храбр толкнул Слава в бок:

– Смотри!

Брендан застыл, словно поражённый громом, его глаза стали круглыми от удивления, а князь довольно улыбнулся в усы, погладил их ладонью, затем беседа продолжилась. И было видно, что монах отвечал на все вопросы с удовольствием, без принуждения. К обеду поток слов, похоже, иссяк, и усталый Путята вновь привёл монаха к отрокам:

– Присмотрите за бедолагой.

Юноши вопросительно взглянули на жреца, а тот, усмехнувшись, ответил на невысказанный вопрос:

– Нормальный он. Теперь с нами плыть просится. Сам. Доброй волей.

– Но он же...

Путята махнул рукой:

– Брендан семь лет по окрестным морям ходил. Всё здесь знает.

– Семь лет?!

Юноши потрясённо взглянули друг на друга, потом посмотрели на монаха, тот, видно поняв, что речь идёт о нём, как-то виновато попытался улыбнуться. Жрец кивнул, положив руку на плечо бывшего пленника:

– Семь лет. Что такое корач, знаете?

– Нет...

– Лодка это. Большая. Из кожи и прутьев. Круглая. Скорости нет. Места мало. Поэтому и так долго. До островов Кипящей воды почти восемь седмиц плыл. А мы – за десять дён доберёмся. Так-то вот. Словом, присмотрите за ним. Помогите устроиться. Князь велел ему из запасов дружинных одежду дать.

– А... оружие?

– Рано ещё. Ножа пока хватит. Бриться.

Храбр кивнул. А Путята закончил речь:

– Словом, присматривайте. Он же не просто так в морях пропадал. Его сжечь хотели.

– С... сжечь?!

– Ага. Он в распятом усомнился. Вот и пришлось бежать за тридевять земель. Нам на удачу.

Жрец кивнул отрокам и зашагал обратно на корму. Из-под палубы вылез кашевар, застукал деревянным половником по дну миски. Громко, словно трещоткой:

– Подходи по одному!

Нелегко готовить в пути, на раскачивающемся корабле. Но славянская мысль справилась с этой задачей – круглый котёл на цепях, в котором горит огонь, накрытый железной крышкой, на которую ставят казан, где готовится пища. Корабль качается, а печка всё время ровно стоит. Ни капли еды не выльется, кашевара не ошпарит. Ну, конечно, ежели шторм, тогда вообще всё гасят, и дружина болтушкой мучной али толоконной питается и мясом сухим. А если море синее спокойное, так почему желудки здоровые горячим не побаловать?

Монах было вскочил от неожиданности, но Слав опустил ему руку на плечо, кивнул успокаивающе, слегка подтолкнул вслед за Храбром. Дружинники быстро получали каждый свою порцию. Князь также стоял в общей очереди, что вновь шокировало Брендана, остальные вели себя привычно. Ну что князь? Первый среди равных. Как боги славянские, как предки, чьи души оберегают потомков от несчастий. Без вожака стае нельзя. А так – такой же воин, как и все.

Кашевар искоса взглянул на стоящего перед ним монаха, собрался что-то сказать, Храбр насторожился, но тут перед ними возник Путята:

– Слово князя.

Воин молча кивнул, запустил половник в котёл и грохнул полный, с горкой, в деревянную миску:

– Ешь, худоба! Ты небось такого и не пробовал! Отведай славянской каши!

Монах, потрясённо взглянув на гору еды в миске, поблагодарил на своём языке, и жрец перевёл:

– Спасибо говорит.

Кашевар расплылся в улыбке:

– И тебе спасибо, добрый человек! Ежели работу каждого хвалить – душа чище станет!

Трое вернулись на нос, уселись. Храбр достал полученный каравай – оставшиеся на берегу воины в ожидании дружинников расстарались испечь свежего хлебушка. Распластал круглую буханку на ровные ломти:

– Налетай!..

Брендан уписывал кашу так, что трещало за ушами.

А от хлеба его было вообще не оторвать. Смолотил несколько толстых кусков и всё что-то бормотал. Слав вздохнул:

– Эх, жаль, непонятно. А хочется тебя порасспрашивать о многом...

Впрочем, выход вскоре нашёлся – стали объясняться жестами. Монах показывал на предмет, а кто-нибудь из отроков громко говорил значение слова на родной речи. Брендан старательно повторял до тех пор, пока не получалось правильно. Вскоре к ним подсел Путята. Внимательно слушал. А там и сам князь присоединился.

– Спроси его, Путята, а почему он так нашей лодье удивился?

Жрец улыбнулся:

– Это я и без вопроса знаю. О кораче же я тебе рассказывал?

– Да.

– Вот и Брендан был удивлён, увидев столь большой и быстрый корабль, построенный из дерева. Римские каторги он видел. Но они не подходят для плавания на большие расстояния. Слишком много съедают и выпивают рабы, гребущие на вёслах. Да и не приспособлены те корабли для дальних плаваний. И осадка мелка, и груза много не возмёшь. А у нас – паруса ветер вольный раздувает, а коли нет его, так воины вёслами ходко гребут.

– А если ветра долго не будет, Путята?

– Позовём. Будет у нас ветер-ветрило паруса светлые надувать, кораблик наш к цели великой неся, поручение племён славянских помогая исполнить.

Отроки переглянулись – спросить? Что же такое дружине ранее на землях славянских неслыханное делать велено? Но сидящий молча Брячислав полоснул острым взглядом обоих, и слова застряли в горле. Впрочем, жрец, обменявшись незаметными взглядами с князем, сделал невидимый юношам жест за спиной, и князь произнёс:

– Край мира ищем. Как нам заповедано.

– Край мира?!

– Он самый.

– А мы не упадём? В бездну проклятую?

– Не упадём. – Жрец раскатисто рассмеялся: – Сие – выдумка. Нет никакой бездны. Точнее, есть. Где грешные души врагов наших прозябают. Но уж точно не там, куда мы идём. Ладно. Отдыхайте. Вам ночью море смотреть.

– А...

– Брендан? Да ничего. Пусть тоже ложится. Ему сегодня досталось...

Путята перевёл, и монах, с благодарностью посмотрев на князя, склонил перед ним голову, но тот нахмурился:

– Скажи ему, чтобы забывал такое делать. Не принято это у нас. Ибо мы – равны друг перед другом.

Развернулся, ушёл к кормщику, остановился над миской с маслом, где плавал кораблик игрушечный, что-то поясняя кормщику, тот понятиливо кивал.

...Брендан не солгал. Через десять дней похода Храбр, сидящий на мачте, первый заметил вдалеке туманное облачко и закричал во всю глотку:

– Земля! Справа по борту – земля!

Дружинники, свободные от вёсел, столпились на носу, вглядываясь в горизонт, пока наконец подошедшие ближе лоды не дали возможность рассмотреть им виднеющиеся вдали зубчатые вершины острова. Брендан, при крике вперёдсмотрящего бросившийся на корму, к князю и Путяте, что-то возбуждённо заговорил, непрестанно указывая вперёд по ходу насада. Жрец, как обычно, переводил, князь кивал. Зычный голос кормщика, привыкшего отдавать команды в любую погоду, перекрыл возбуждённый ропот воинов:

– Ирландец говорит, сейчас острова цепью пойдут. Один за другим! Это – острова Кипящей воды!..

И верно, ближе к вечеру все три лоды благополучно бросили якорь в большой полукруглой бухте. Берег был каменистый. Но камни оказались не острыми, а круглыми, окатанными водой. Обломки дерева загромождали небольшой пляж, и князь уже хотел было давать команду покинуть корабли, как монах, не отставая, возбуждённо заговорил, указывая на изъеденные трещинами скалы, окружающие бухту. Путята выслушал, подивился, перевёл:

– Монах глаголет, что вода здесь дышит.

– Дышит? – Брячислав удивлённо взглянул на жреца.

Тот после краткого раздумья просиял:

– Я думаю, княже, что вода здесь высоко поднимается. Приливы большие. – Прищурился на застывшее на одном уровне солнышко, скривился: – Знать, близко мы к полуночи. Ярило по кругу ходит, отдыхать не хочет. Не сказать, когда вода вверх пойдёт.

– А тепло. Не чую холода.

Брячислав задумчиво погладил выскобленный подбородок, потом решительно махнул рукой:

– Кто свободен – на берег. Пусть Гостомысл ведёт охотников. Остальные – ждать на льдах большой воды.

Храбр остался на насаде, Славу повезло больше – вместе с другими воинами он сошёл на берег. Высокие горы, над некоторыми из них курился лёгкий то ли дым, то ли пар. Яркая, какой не встречал в родных краях, зелень. Кто-то из воев склонился над покрытой невиданными ягодами кочкой, удивлённо произнёс:

– Смотрите, братие, словно бы малина, а жёлтая¹⁰.

И верно – яркий цвет ягод выделялся на фоне зеленовато-багровых листьев. Воин осторожно сорвал одну из ягод, из-под пальцев брызнул сок.

– Мягкая какая... – произнёс досадливо, взял вторую, куда осторожнее. Взял в рот, подержал на языке, проглотил, расплылся в улыбке: – Вкусна!

Ели, причмокивали от удовольствия. Потом наткнулись ещё и на другие – одни оказались знакомыми, только невиданных прежде размеров, как голубика-ягода. Другие – твёрдые, красные, с кожистыми плотными листиками, горьковатые¹¹, но тоже понравились. Удивила одна, словно растущая на крохотных ёлочках. Чёрная, по несколько штук на одном кусте. Одна вода. Точнее – сок, чуть терпковатый, слегка вяжущий язык¹². А грибы... Слав, когда подберёзовик увидел, обомлел. С половину щита конного воина. Громадный, на крепкой черноватой ножке, и без единого червяка! Сыроежки же алые вообще были на каждом шагу. Воины поначалу ломали и их, но потом, набрав подосиновиков, подберёзовиков, на растущие, словно сорная трава, на каждом шагу сыроежки уже и внимания не обращали. Нашли и кипящую воду: вышли в одну лощину – а там ключи с крутым кипятком на каждом шагу. Вода в них разная: где чистая, которую пить можно, просто вскипячённая подземным жаром. А где – маслянисто поблёскивающая, в кремневых узорах по берегу. Раз едва не испугались, потом, правда, смеялись долго – фыркнула земля, плюнула паром, заклокотало у неё внутри, и вверх вырвался фонтан кипятка, рассыпался горячим дождём.

Возвращались отягощённые грузом: ягодами, грибами, набили и птицы, которой видимо-невидимо было на берегу. Пришли – ахнули. Лоды стоят, чуть покосившись, на берегу. А до моря – шагов сто. И берег весь песчаный, в длинных зелёных соплях водорослей. Кое-где – громадные валуны, тоже морскими желудями усыпанные и увитые длинными лентами морской капусты. Оставшиеся уже на берегу. Вои плавника набрали, костры жгут, воду кипятят. Дожидаются добытчиков. Пока ужин готовился, князя с Бренданом и Путяттой уединились, присели на песочек. Веточками по грунту водят, рисуют. Поясняют друг другу, что к чему.

Цепь этих островов длинная. Несколько седмиц нужно плыть вдоль них, чтобы достичь Зелёной земли. А эти острова Кипящей воды к жизни мало пригодны. Нет, конечно, рыбакам, охотникам здесь прокормиться можно. Но чтобы постоянно жить... Зимы суровые. Почвы скудные, да и мало их. Правда, рыбы видимо-невидимо. Брендан со своими людьми здесь зимовал, знает, что такое здешние зимы. Несладко придётся даже славянам, к холодам привыкшим. Князя вначале не поверили, потом, когда огляделись получше, убедились. Врать монаху, коли решился он со славянами уйти, смысла нет. Кругом камень голый. Деревья маленькие, тонкие. Из такого ни лодку не построишь, ни избу не срубишь. Коли у берёз родных ствол коричневый, да и ростом они едва до колена воину. Между скал – настоящие трубы, в которых ветер воет, даже если вокруг тихо. Значит, когда метели начнутся, там вообще не пройти будет. И что на

¹⁰ Морошка.

¹¹ Брусника.

¹² Вороника.

зиму заготавливать? Опять одну рыбу? Ни скот пасти, ни хлеб сеять возможности нет. Значит, нужно плыть дальше, к той самой далёкой Зелёной земле, смотреть, не будет ли там лучше.

Переночевали на берегу. Остров пустой, но всё равно часовых выставили, велели замечать, когда вода прибывать будет. Тогда дружину будить, на лоды грузиться, дальше плыть. Так и стало. Первую воду упустили. Ночь всё же была. Хотя светло как днём. И солнышко по кругу так и движется. А вторая вода утром пошла. Дозорные, как велено, всех подняли. По насадам разобрались, и, когда заколыхались лоды на полной воде, грянуло било, ударили вёсла, двинулись насады дальше от первого острова.

Уже серпень-жнец¹³ к концу близился, когда достигли Зелёной земли. Ровные пологие берега, тающие вдаль. Воздел Путята руки к Яриле, поблагодарил за успех и помощь. Потом седмицу шли вдоль берега, выбирая место для долгой стоянки. Князя, посоветовавшись, решили на зимовку стать, чтобы узнать, какие здесь зимы, да и партии охотничьи в разные стороны разослать – провиант заготовить, землю разведать... Нашли. Большая поляна на берегу бухты, почти прикрытой высокими языками песчаных гряд. Большой ручей с пресной водой, сосны, берёзы, дубы, ели. И зверя много было. Испещрены окрестности следами волков, лис, кабанов и оленей. Спугнули медведя. Тот добрый был – осень, чай, брюхо полное. Ушёл сам, без понуждения. А медведь громадный.

Место выбрав, снарядили князя партии охотников на все четыре стороны света. По пять человек в каждой. А остальные хозяйством занялись – нужно до снегов построить жилища для дружинников, посёлок оградой обнести. Пусть пока людей не видать, но появятся. А ну как с худом, не с добром? Хотя две сотни воинов славян – орешек крепкий, не всякий разгрызёт. Но лишней крови не хочется... А ещё погреба для продуктов, кузню походную наладить, баню возвести, ибо грязь и теснота – первые помощники хворобы. Так что дел у всех по горло было. Копали под фундамент траншеи, под хранилища ямы. Рубили и пилили дубы по всей округе, таскали на себе. Лошадей-то нет. Не кабана же дикого или оленя пугливого в упряжь впрягать? Острили вершины, вкапывали в землю прочно. Каждый день уходили в леса по десятку воинов. Добывали зверя лесного. Отроки, все четверо, не только наравне со взрослыми работали, но и, как молодые, ягоды-грибы собирали. Мочили, солили. Благо туесов берестяных наделали воины много. Так ведь и на зимовку тоже становилось аж двести человек.

Через месяц, когда листья совсем жёлтые стали, что-то проясняться начало. Вытянулись поперёк друг другу два длинных строения из тёсаных брёвен. Ощетинился частокोल белизной острых верхушек. Внутри – подсыпаны брёвна ограды землёй. Плотно утопанной и прибитой деревянными колотушками. Сделаны и навесы. Поднялись вышки по всем четырём сторонам земли. Круглые макушки подвалов-землянок. Морозы падут – льда нарубят в ручье. По весне ледники сделают. Дымится кузня. Второй столб почти невидимого дыма – кухня. Разгружали лоды – диву дивились. Тогда и самые тугодумы поняли, зачем их в такой поход послали. Совет племён новые земли для жизни ищет. Только зачем в такую даль? Неужели мало вокруг славян свободных мест? Те же саксы или франки – ну не противники они славянам. Пришли, прогнали – живи, коли хочется. Впрочем, воинов дела Совета не волнуют. Поручили роды лучшим из лучших земли найти дальние – значит, выполним.

Тем временем и охотничьи партии, посланные на разведку земель, возвращаться начали. И весть принесли – здесь люди живут. Народ насторожился. Что за люди? Чем занимаются? Под чьей рукой ходят? Но ходоки лишь разводили руками – мало что узнали. Оружие у местных деревянное и каменное. Ни железа, ни бронзы, ни, тем паче, стали – не видели. Живут в шатрах, крытых шкурами. Основательно дома не строят. Есть собаки, но мелкие. Оленей пасут. Рыбу ловят с лодок крохотных, на одного-двух человек. Лодочки, кстати, тоже из шкур. Но с корачами ничего общего не имеют. Князя задумались, позвали Брендана. Тот только

¹³ Серпень – август.

руками развёл – он с товарищами лишь пристал к берегу ненадолго. Простояли пару дней, пока корабль свой утлый чинили, швы у них в одном месте разошлись. В глубину земли не ходили, разведку не вели. Да и стоянка у ирландцев была много севернее, чем сейчас построена. Видно, что не лжёт монах. Да и славяне на местных тоже не сразу наткнулись. Охотничьим партиям пришлось далеко в глубь вновь открытых земель пройти. Решили пока ничего не предпринимать.

Дружина зимует. Потихоньку разведывает окрестности. А по весне решать будут. Кто знает, что за это время произойти может? На том и постановили... А Брендан в дружине начал приживаться. Уже пытался говорить на славянской речи. Старался в меру сил быть полезным. От работы и поручений не увиливал, да ещё и знатоком камней оказался, что само по себе ценно. Вечерами же монах с Путятёй обычно время проводил, вели оба беседы длинные, другим непонятные, поскольку общались на неведомом остальным языке, латынью именуемой.

Так время шло. Поднимались строения заставы, наполнялись закрома. Хоть и привезли с собой многое воины, но на всю жизнь не напасёшься. Так что доставалось всем – и охотникам, и лесорубам, и тем, кто запасы готовил, словом, исключений не было. Жалели, что нет с собой лошадей. Насчёт собачек поначалу тоже переживали. Славянский волкодав – первый сторож. Учует врага за версту, хозяина предупредит. Да тут Слав помог – бродил раз по холмам, лесом заросшим, грибы-ягоды собирал, и услышал вдруг скулёр в яме-овраге. Жалобный такой. Едва ли не смертный. Залюбопытствовал, раздвинул кусты, а там промоина в земле, сажени четыре глубиной. А внизу – два глаза жёлтым горят. Злобой истекают. Зажёг бересту, опустил на шесте – волк. Молодой совсем. Глупый. Видать, весеннего помёта. Наверное, погнался за зайцем или другой добычей, да и в азарте свалился в ямину. А там – ни воды, ни еды. Сколько в яме просидел, кто знает. Только когда отрок вниз по верёвке спустился, сил даже шевельнуться у животного не было. Только попытался пасть открыть, и всё. Глаза закрылись. Когда юноша в городок зверя на руках принёс, многие удивились. Но приняли хорошо. Да и то, славяне люди такие, чужому горю не радуются. А зверь лесной – что брат родной. Не случайно ведь, взяв добычу, просит воин прощения у Матери лесной. Не забавы ради. Ради пропитания на охоту люди ходят. Долго волк в себя приходил, но оклемался. Храбр со Славом его из рожка водой ключевой поили, мясо жевали – сил у зверя не было кусочек крохотный проглотить. Молочка бы, конечно, да коров тоже нет. Вообще скотины-худобы славяне с собой в поход не взяли. Но весной, ежели зимовка пройдёт успешно, пошлют насад к родным берегам, в Аркону достославную. Доложить, что поручение старших исполнено. И начнут ждать новых гостей-поселенцев.

А волк оклемался. В силу вошёл. И за отроками обоими, как за мамкой, ходит. И службу несёт верную – вместе с дозорными стережёт городок воинский. Не зря свой кусок ест. На глазах вымахал, шерсть густая. С отливом. Матереть стал. Хороший зверь. Добрый.

Глава 7

Зима наступила как-то резко. Просто в один прекрасный вечер легли дружинники спать, а утром проснулись – всё белым-бело. Лёг снег прямо на тёплую землю. Бывало и на славянских землях такое. Только вот на родине такой покров обычно сходил, пока морозы землю не промороживали. А здесь сначала снега навалило чуть ли не в сажень, а потом уже только морозы грохнули. Впрочем, грохнули – сильно сказано. Просто опустились. И не такие холодные, как дома, но зато постоянные и резкие. Обжигало тело, словно огнём. Жрец объяснял, что влаги в воздухе много, потому и кажется, что мороз сильнее обычного. А так – как бы не теплее, чем в родных краях. Впрочем, вскоре притерпелись. Ведь человек каков? По осени ему одна погода кажется чуть ли не холодом лютым. А по весне точно так же на улице, а тело говорит, что жара несусветная. Привыкает за зиму к морозам. А потом по новой, к теплу. Словом, приспособливается человек ко всему.

Хотя и настала зима, народ без дела не сидел. Работы по хозяйству хватало: и дорожки вокруг града со двором от снега расчистить, и баню истопить, и еду приготовить на двести здоровых человек. Одежду постирать, заштопать. Обувь, соответственно. Жрец записи вёл на бересте – какая погода стояла сегодня. Холодно ли, тепло ли. Ветер с полуночи или с Ярилиной избы. Падал ли снег нынче, или чистым небо продержалось. Словом, обо всём, что в округе творилось. Охотники, понадевав лыж, лазили по округе. Без добычи не возвращались. Дичи вокруг было видимо-невидимо. А ещё занимались люди воинской наукой. Куда же без неё? Любой навык, если его не развивать и не поддерживать, теряется быстро. Бегали по округе, забросив мешки с камнями на спину. Купались в ручье в любую погоду помимо бани. Рубились на учебном и боевом оружии. Стрелки – те каждый день по тулу стрел в мишени на поле специальном выпускали. Гордились, хвастались своим умением. Поскольку времени свободного, несмотря на все заботы, всё же достаточно было, отроков тренировали особенно тщательно. Впрочем, отроками уже и трудно их назвать было. Вытянулись юноши, заматерели. В плечах раздалось, силой налились за поход долгий. Ростом мужей взрослых догнали. А в умении воинском и вовсе мало кому уступят.

Брендан, кстати, ещё один талант выказал, помимо прочих. Смотрел раз, как юноши на палках между собой бьются, не выдержал. Взял шест и показал... Да так, что все свободные от работы люди сбегались посмотреть на искусство невиданное. Гудит воздух, просто рвётся от гибкого наконечника простой палки. Простая деревяшка, а оказывается, может быть страшным оружием в умелых руках. Загорелись юноши, попросили обучить их искусству невиданному. Князь тоже заинтересовался. Добро дал.

Так дни за днями и летели. Долго ли, коротко ли, а пахнуло с моря густым солёным ветром. Снег стал рыхлым, глубоким. Солнышко пригрело. Волк затосковал, скулил часто, на своих друзей тоскливо смотрит. Понятно почему. Вывел его Слав за ограду, погладил лобастую голову, затем в нос влажный поцеловал, присев на корточки, подтолкнул к лесу – беги, коль душа зовёт. Тот понял, лизнул в щёку шершавым языком, помчался, взрывая сугробы мощными лапами. Миг – и исчез за кустами. А у отрока вдруг в горле запершило. Сглотнул ком, непонятно откуда взявшийся, вернулся домой...

Вскоре птицы в лесу ошалели. В любое время дня и ночи шум стоит, песни на все голоса. Особенно вороны... Оно конечно, на родной земле и воробей чужого соловья за пояс заткнёт, но тут... Голос противный до ужаса. Хриплый, даже уши режет, словно ножом. А там и снег ручьями стал исходить, кое-где простенькие цветочки мать-и-мачехи на пригорках, где первые проталины появились, выглянули. Весна пришла. Стали дружинники в путь обратный собираться. Насады, на зиму на берег вытащенные и на козлы поставленные, проверять, смолить и конопатить. Князя над тем, кто из дружинников вернётся в Аркону, задумались. Бросили

между собой жребий, чтобы никому обидно не было. Если повезло, то повидеешь родные берега, а то и близких. Нет – терпи. Настанет и твой черёд. Только позже. Никто не роптал. Жребий есть жребий.

Единственный, кто удачу не испытывал, – Путята-жрец. Ему-то в любом случае вернуться надо было, доложить на Совете, что за земли новые найдены, можно ли на них переселяться. И уже совсем было собрались воины в обратный путь, да залив ещё льдом покрыт был. Не вскрылся. Оно можно, конечно, лодьи на себе перетащить на чистую воду. Да только лёд – знак, что рано ещё в путь пускаться. Так что ждать нужно ещё до того времени, когда ударит било на корме и с единым выдохом лягут вёсла на воду, толкая лодью по воде. И взглянет голова зверя, украшающая нос, на морскую гладь чуть надменно – владыки морей идут... Да беда вдруг случилась неожиданная...

– Княже!

Брячислав, уже собравшийся ложиться спать на широкой лавке, укрытой ворохом шкур, вскочил – в голосе дружинника звучала нешуточная тревога.

– В чём дело, Ставр?

– Вольга и Прокл не вернулись. Ушли, ещё Ярило спал. Обещали к обеду дома быть, да нет до сих пор. Чую, неладное с ними приключилось.

Пропали два опытных дружинника? Те, кто уже исходил всю округу и знающие каждый кустик в окрестностях городка? Верно говорит воин. Неладное что-то.

– Ещё, княже. Не по себе мне. Стою на вышке, а ощущение, будто смотрят за мной. Стерегут.

Ещё хуже. Ставру не кажется. Любой славянин чужой взгляд чует всей кожей. Неужели... Брячислав торопливо натянул сапоги, застегнул снятый было на ночь ремень. Прицепил ножны с мечом, набросил на плечи меховой плащ, шагнул из своей комнаты, которую делил с братом. Воин застыл при виде оружного князя. Тот коротко бросил:

– Пошли.

Снег давно сошёл. Это просто бухта всё не могла открыться. Так что подошли к вздымающейся вверх на десяток саженей вышке, взобрались наверх, быстро перебирая руками перекладыны. Второй часовой напряжённо всматривался в темноту. Брячислав вполголоса спросил:

– Что у тебя, Бравлин?

Тот так же негромко ответил:

– Двоих видел, княже. Чужие. В шкуры одетые. Оружье не рассмотрел. Темно больно. Прячутся под елями. Передвигаются сторожко.

Брячислав напряг глаза, всматриваясь туда, куда показал воин. Некоторое время ничего не происходило, потом под раскидистыми ветвями огромной ели шевельнулось нечто тёмное.

– Вижу. Шума не поднимать. За ограду не выходить. Утром пошлём отряд. Известно, куда наши пошли?

– Так к дальнему ручью, княже. Там камешки красивые есть. Вольха хотел набрать, своей супруге ожерелье сделать.

Брячислав кивнул:

– Ясно. Смотрите в оба. Смене мой приказ передайте: вида не подавать, что мы о чужих знаем. Тревогу бить, если нападут. А так – пусть люди отдыхают. Как рассветёт, пошлём отряд на розыски. Всё.

Шагнул к открытому, чернеющему темнотой люку в полу, скользнул вниз по длинному, отполированному руками и одеждой шесту. Вернулся в дом. Брат приподнялся на локте, взглянул вопросительно:

– Что там?

– Местные. Видать, нашли нас. Похоже, худое замыслили. Двое воев пропали.

– Это слышал. Сколько человек пошлём?

– Думаю, два десятка хватит.

– Лучше пять. У меня на душе тревожно. Малое число и побить могут. А с полусотней вряд ли справятся.

– Так тому и быть...

Улеглись оба. Глаза закрыли, а сон не идёт – впервые с теми, кто здесь испокон веку жил, встречаются славяне. Да не добром, похоже. Ну как просто дружинников в полон взяли, да за выкуп вернут? А коли побили до смерти, что тогда? Тут, правда, закон есть. По правде славянской убийц судить станут. Но... Не стоит загадывать. Хочешь не хочешь, а спать нужно. Чтобы голова с утра светлой была, руки не дрожали и глаз зоркий оставался.

...Только в путь на поиски собрались, радость у Храбра со Славом. Едва рассвело – у ворот сидит матёрый волчище. Да не один, а с волчицей. Та – тощая, поджарая. Опасливо косится на глазающих из-за тына дружинников. За луки народ хвататься не стал, узнали сразу Волчка, что отроки пригрели и спасли. Даже заулыбались. А уж что с юношами творилось – даже тревога за товарищей на миг отступила. Радость от встречи с другом. Поверил людям волк. Сам вернулся после свадьбы лесной, да ещё и супругу привёл. Чудо чудное! Диво дивное! Однако увидел, что люди собираются, заволновался. Волчицу свою увёл в конуру, для него людьми сколоченную на заднем дворе да шкурами обитую. Втолкнул в занавешенный лаз. Гавкнул ей. Та коротко отозвалась. Брячислав хоть и спешил, но распорядился принести гостье неожиданной с поварни похлёбки. Затем махнул рукой, приказ отдал:

– Пошли!

Первым делом проверили ельник, что городок славянский окружал, и верно – следы чужаков сразу обнаружились. Двое. На широких круглых лыжах, из тонких ремешков плетённых. Пришли со стороны дальнего ручья, куда воины пропавшие пошли. Туда же и ушли, как светать стало. Часа два назад. Нахмурился князь. Плохо дело. Хотели бы чужаки миром договориться, встретили бы с рассветом славян. А тут... Волчок следы чужие обнюхал, морду поднял к небу, коротко пролаял, затем вперёд бросился. Князь сразу понял, команду дал. А зверь впереди мчится, нос к земле опустил. По следу ведёт. За ним – дружинники. Волчьей рысью. В полных доспехах с оружием наготове. Полверсты бегом, столько же – быстрым шагом. Волчок впереди. Снег сошёл уже. Но земля мягкая, влажная. Идти и бежать тяжело. Но спешат славяне – товарищи в беде.

– Что? – Брячислав ковырял носком сапога гальку, сидя на прибрежном валуне.

Ставр глухо ответил:

– Обоих побили. Похоже, из засады. По стреле в глаз каждому. Сразу наповал. Одежду сняли. Всё, что с ними было, – тоже. Тела бросили вниз. Знаешь ведь, княже, там, ниже по течению, – водопад. Думали, видимо, вода злое дело скроет. Да просчитались. Дерево поперёк легло. За него наши други и... – Сглотнул, махнул рукой.

Князь помолчал, наливаясь злобой, потом негромко, но страшно произнёс:

– Убили, чтобы пограбить? – Снова помолчал, потом бросил: – Слава ко мне. С Волчком.

Спустя мгновение оба выросли перед сидящим князем. Тот взглянул на зверя, прижавшегося к ноге парня. На самого юношу:

– Сможет твой зверь следы убийц разыскать?

Слав нахмурился, чуток подумал, потом ответил:

– Думаю, княже, надо Волчка спросить. Что он скажет.

– Так спрашивай.

– Сейчас, князь.

Опустился на корточки, взялся за морду обеими руками, внимательно взглянул в глаза зверя. Неслыханное дело – тот морду не отвернул. Смотрели друг другу в очи, не мигая, не

отворачиваясь. Потом волк, словно пёс, коротко гавкнул. Слав его по лобастой голове погладил, выпрямился, посмотрел князю в лицо, ответил:

– Волчок говорит, что он с женой сделает всё, чтобы найти этих убийц. Но просит побегать его супругу. На сносях она.

Верить юноше? Не верить? Парень из рода Волка. А волчата с лесными братьями на короткой ноге. Да слыхивал Брячислав, что избранные из лесных родов могут с меньшими общаться. Не зря старый воин ему в той слободе тогда сказал, что отрок сей – истинный славянин. Значит, самый избранный?

Слав молчал, ожидая решения князя, но тут волк снова пролаял, и юноша встрепенулся:

– Чужаки недалеко. Он узнал их по запаху. Может отвести к их стоянке.

Ну вот и проверим... Князь выпрямился:

– Боевой порядок. Двинули.

...Стойбище оказалось на большой галечной косе, образованной плавно изгибающимся ручьём, текущим с близлежащих гор. Двадцать остроконечных шатров, над некоторыми курился дымок. Снуют повсюду своеобразной, необычной походкой женщины и девушки. Суетятся бегающие стайками дети. Похоже, чужаки даже в мыслях не держали того, что славяне могут отомстить за своих убитых сородичей. Несколько мужчин благодушно лежат на вытертых шкурах возле бережка, наблюдая за женщинами.

Князь молча подал знак, и воины начали незаметно растягиваться цепью, окружая чужое поселение. Волк наострил уши, мускулы под шкурой напряглись, но рука, лёгшая ему на загривок, успокоила зверя. Было ясно, почему зверь заволновался – от ручья донёсся лай. Собаки? Извечные враги? Не страшно. Тревогу поднимать поздно – все уже заняли свои места, готовясь к бою. В таком стойбище не могло быть много народа.

Внезапно князь скрипнул зубами – один из лежащих на шкурах мужчин поднял к небу стальной нож, пуская им зайчики в глаза детям. Больше никаких доказательств не требовалось – это те самые, которые убили славян. Брячислав медленно поднял руку, потом резко опустил. По этому сигналу лучники пустили стрелы. Никто в посёлке не успел ничего понять – бесшумная смерть была точно, пригвозждая одетые в шкуры тела к земле, убивая сразу. С мужчинами расправились в мгновение ока. Женщин пока не трогали. Но вот послышался дикий вопль увидевшей смерть одной чужачки, другой... Шкуры, прикрывающие входы в шатры, начали отворачиваться, и стрелки перенесли прицел. Тонкая замша – плохая защита от тяжёлой длинной стрелы со стальным наконечником, пробивающей насквозь всадника вместе с лошадью в степях. Если тот без доспехов. А тут – кожа. Били почти в упор, выкашивая людей. Доставалось не только мужчинам-воинам. Часть шатров была прикрыта другими, и стрелки били вслепую, по привычке перекидывая стрелы через высокие вершины строений, пока кто-то не сообразил, что можно стрелять и настильно.

Треснула кожа, когда страшным ударом боевой стрелы выбросило наружу очередное тело, разорвав покрывку утлого жилища. Брячислав, уже не таясь, поднялся, вскинул к солнцу меч, и по его сигналу воины двинулись к разгромленному стойбищу, где практически не осталось мужчин-защитников. Короткий взмах, словно блеск молнии. Падает, обливаясь кровью, тщедушное низкорослое тело чудом уцелевшего чужака, выскочившего навстречу славянам с костяным копьём. Удар сапога заставляет женщину, схватившуюся за каменный нож, отлететь на несколько шагов и бессильно распластаться на мелкой гальке, намытой бурным ручьём. В ужасе дети, только что беззаботно игравшие на бережке, сбились в кучу, а воины, закованные в сталь, неумолимо надвигаются, высясь над небольшого роста оленеводами, словно башни. Неуязвимые, жуткие в своей беспощадности, словно злые чучунаа¹⁴ из сказок. Несколько мгновений, словно вечность для проигравших схватку. Взвизгивает предсмертно собака-лайка,

¹⁴ Чучунаа – великаны-людоеды.

пытавшаяся наброситься на волка, спокойно и торжественно вышагивающего рядом со Славом. Мощные челюсти легко перекусили её хребет. Удар закованной в боевую перчатку руки швыряет пытавшуюся проскочить между воинами старуху. Не рассчитал воин своих сил. Падает на камни уже мёртвое тело с нелепо изогнутой шеей. Визг. Крики ужаса.

Воины обшаривают кожаные шатры. Добивают кое-где раненых. Спокойно и деловито. Не обращая внимания на плач и стенания, несущиеся от согнанных в одну кучу уцелевших женщин и детей. Перед князем кладётся найденное: два стальных ножа, топор, колчан со стрелами и лук, пояса, украшенные бляшками, одежда.

– Всё нашли?

Ставр подходит ближе, рассматривает кучку собранного, отрицательно мотает головой:

– Нет. У Вольги кошель был. Он в нём оберег носил, женой даренный. Его нет. Может, у тех? – кивает в сторону клубящейся толпы.

Брячислав поднимается с бревна:

– Ищите.

Слав выходит вперёд вместе с Волчком. Зверь обнюхивает возвращённое, вопросительно смотрит на старшего брата. Тот кивает, и оба исчезают в мятущейся ужасом кучке потерявших всякий людской облик чужаков. Князь не успевает досчитать до десяти, как юноша выталкивает оттуда старика. У того – жиденькая бородёнка, гноящиеся глаза, изрезанное морщинами плоское лицо, искажённое настоящим ужасом. Взмах меча распарывает вонючие шкуры, укрывающие грязное тщедушное тельце. Брезгливо Слав ковыряется в мехах, вытаскивает полотняный, шитый узорами кошель, и Ставр обрадованно восклицает:

– Он!

Князь бросает:

– По славянской правде вору руки рубят.

Огонь искать не надо. Похоже, чужаки готовились пировать в честь добытого добра, так что углей предостаточно. Ставр мгновение примеривается, сталь взблёскивает на ярком весеннем солнышке... Дикий вопль отзывается эхом в толпе. Обе кисти, с искривлёнными ревматизмом суставами, падают на гальку. Последним движением умирающих мышц пальцы скрючиваются, а двое воинов, ухватив ещё не сообразившего, что произошло, старика, с силой суют обрубки в огонь. Тот бьётся, ревёт раненым туром, потом лишается чувств.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.